



**ПОВОЛЖЬЕ.  
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ**

**По материалам  
путешественников XVIII в.**

УДК 39:94(47)  
ББК Т52(235)  
П 425



ПРИ ПОДДЕРЖКЕ  
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА  
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Проект «Поволжье. Взгляд со стороны» реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Президентским фондом культурных инициатив

Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Составитель *Н. О. Шкердина*

**Поволжье. Взгляд со стороны** : (По материалам путешественников XVIII в.) : альбом-каталог / сост. Н. О. Шкердина. — Саранск : НИИГН, 2023. — 48 с.

ISBN 978-5-00008-088-7

В альбоме-каталоге представлены фрагменты историко-этнографических свидетельств XVIII в. по истории, этнографии, общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни мордвы, марийцев, татар, чувашей и удмуртов, извлеченные из записок путешественников, дневников и академических трудов российских и западноевропейских ученых.

Адресован всем, кто интересуется историей и культурой Среднего Поволжья.

УДК 39:94(47)  
ББК Т52(235)

ISBN 978-5-00008-088-7

© Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия, 2023  
© Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2023

# ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О НАРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XVIII в.

Изучая предков, узнаем самих себя. Без знания родовой истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем жили, как и к чему должны стремиться.

*В. О. Ключевский*

XVIII в. — важный и во многом переломный период в истории русской государственности. Весь ход исторического развития России к началу столетия поставил перед ней ряд неотложных задач в экономической, социальной, общественно-политической и культурной сферах жизни. Большинство из них было решено в той форме и степени, которые определялись созданным в течение веков политическим, социальным, экономическим, демографическим и культурным потенциалом страны, ее природными условиями<sup>1</sup>.

Сложный и часто противоречивый процесс развития русской культуры XVIII в., органически связанной с культурой предшествующего времени, особенно XVII в., можно понять лишь с учетом происходивших тогда событий общеисторического характера.

Модернизационные процессы охватили всю территорию Российской империи, в том числе Среднее Поволжье, которое имело важное значение в истории, экономике, общественно-политической и духовной жизни государства. В XVIII в. этот регион сохранял роль естественного транспортно-путного пути, соединявшего губернии европейской части России с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, Средней и Центральной Азией, а южные районы империи — с северными, и имел давние традиции внешнеторговых связей с Европой и Азией.

Среднее Поволжье органично вписалось в процессы развития промышленности в России. Благодаря активной торговле в регионе началось строительство предприятий для производства тканей, сукна, переработки сырья, обработки древесины и т. д. В г. Казани, например, многие предприятия были открыты по личному распоряжению Петра I. В рассматриваемый период экономическому росту города способствовало развитие флота. За сто лет с 1722 г. на верфях г. Казани было построено 342 судна. Здесь до 1826 г. находилось адмиралтейство, в ведении которого значился флот на Каспийском море, затем оно было переведено в г. Астрахань<sup>2</sup>. За относительно короткий срок в городе возникли крупные отрасли мануфактурной промышленности, что положительно отразилось на торговле, в том числе на формировании крупных ярмарочных центров.

С одной стороны, региональные предприятия нуждались в импортном сырье из стран Востока, с другой — готовая продукция и сырье из губерний Среднего Поволжья занимали видное место в российском экспорте в страны Европы. Важную роль в международной торговле играли

<sup>1</sup> См.: Очерки истории русской культуры XVIII в. : в 4 ч. М., 1985. Ч. 1. С. 5.

<sup>2</sup> См.: *Лысков В. П.* Персидский поход Петра I. 1722 — 1723. М., 1951. С. 139.

местные купцы, особенно Пензенской, Казанской и Симбирской губерний, имевшие обширные торговые связи не только с европейским купечеством, но и со среднеазиатским и китайским<sup>3</sup>. С территории Средневолжского региона вывозили лес, пеньку, смолу, деготь, ладан, поташ, мед, зерно, лен, холст, кожи различной выделки и качества, топленый жир, воск, пух, меха и другие товары, пользовавшиеся большим спросом на международном рынке.

В связи с этим вопрос безопасности столь значимого в экономическом плане региона стоял достаточно остро. Правительство предпринимало соответствующие меры, в том числе привлекало для защиты волжской торговли подразделения регулярной армии. Важно было создать своеобразный оборонительный щит от разорительных набегов степных кочевников (каракалпаков, киргиз-кайсаков и кубанских татар) на территорию Среднего Поволжья в начале XVIII в. Набеги кубанцев под предводительством Бухты Гирея и Дели Салтана разоряли Поволжье. В 1717 г. произошло последнее крупное нашествие на территорию мордовского края. По мнению В. А. Юрчёнкова, «кубанцы учли неудачный „прутский“ поход Петра I и изменение обстановки на юге страны, провели глубокую разведку и, рассчитывая на замешательство царской администрации в его отсутствие (Петр I находился в это время за границей), решились на набег»<sup>4</sup>. О набегах «калмыцких татар... вплоть до Казани» с грабежами и угоном людей в плен упоминал и К. де Бруин<sup>5</sup>. Документальные свидетельства об этих нашествиях сохранились во многих региональных архивах<sup>6</sup>.

Необходимость исследования природных богатств стимулировала развитие науки, активность и инициативу российских и зарубежных ученых и путешественников. Кроме любительских материалов, содержащих фрагментарные данные о Среднем Поволжье, в XVIII в. появилось большое количество исследований профессионального характера. Это объяснялось двумя основными причинами. С одной стороны, Российскому государству была необходима объективная информация в области картографии, географии, геологии, минералогии, ботаники, зоологии, истории, этнографии, природных ресурсов, путей сообщения, экономического потенциала и народонаселения, с другой — развитие научной мысли обусловило начало изучения обширных пространств империи с ее необычайным многонациональным и этноконфессиональным колоритом.

Еще одной проблемой являлась малозаселенность региона. Неслучайно Екатерина II предприняла практические шаги по внедрению местных земель в хозяйственный и культурный оборот. Следует отметить, что волжским путем активно пользовалось не только российское, западноевропейское и восточное купечество, но и дипломаты, которые следовали в Турцию, Иран, Китай, Среднюю Азию и т. д.<sup>7</sup> С одной стороны, Среднее Поволжье в XVIII в. было знакомо купечеству и сотрудникам дипломатических миссий, с другой — благодаря удаленности от научных центров оно представляло собой малоизученный регион. Для многих иностранцев, оказавшихся на его территории по воле судьбы, это была своеобразная *Terra incognita*, изобилующая плодородными землями, богатыми лесами и полноводными реками, населенная экзотическим народом с необычными яркими нарядами, своеобразными верованиями и непонятной речью. В контексте сочинений о «таинственной России» повествования о варварских народах, населяющих государство, которое блистательными победами и свершениями доказало свое право оказаться в числе самых могущественных держав мира, вызывали устойчивый интерес и хорошо вписывались

<sup>3</sup> См.: Шкунов В. Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII — XIX веках. Ульяновск, 2011. С. 5 — 7.

<sup>4</sup> См.: Юрчёнков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. зап.-европ. авт. VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 181.

<sup>5</sup> См.: Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 153.

<sup>6</sup> См.: Петерсон Г. Большой кубанский погром в пензенской стороне (Извлечение из документов саранского архива) // Пенз. губерн. ведомости. 1893. № 27, 31, 33, 37, 38.

<sup>7</sup> См.: Андре К. Направление торговых путей в Средней Азии // Вестн. Император. Рус. геогр. о-ва. 1859. № 12. С. 65 — 96.

в фабульный трафарет сочинений о России К. де Бруина, Дж. Перри и Дж. Белла<sup>8</sup>. Яркие историко-этнографические описания Средневолжского региона, национальных костюмов, быта и нравов малоизвестных этносов привлекали внимание европейских обывателей.

В XVIII в. Среднее Поволжье все активнее вовлекалось в достаточно сложный и противоречивый исторический процесс модернизации всех сторон жизни Российского государства — общественно-политических и социально-экономических отношений, государственных институтов, общества, инфраструктуры в условиях абсолютизма. Страна встала на путь общенационального прогресса и реформ. Этот период характеризовался успехами в развитии науки, просвещения и культуры. Многие события российской истории XVII — XVIII вв. были тесно связаны с региональной историей и нашли отражение в путевых записках, дневниках и научных исследованиях западноевропейских и российских авторов XVIII в.

Среди тех, кто оставил яркие и образные впечатления о посещении Среднего Поволжья в начале XVIII в., был голландец К. де Бруин. В «Путешествии через Московию Корнилия де Бруина» представлена характеристика регионов России начала царствования Петра I.

В ходе одного из своих путешествий, в июне 1701 г., К. де Бруин отплыл из Гааги в Архангельск и с сентября того же года по июль 1703 г. жил в России. Он побывал в г. Москве, центральных районах Российской империи, на р. Волге. В его «Путешествии...» сохранились живописные картины целых регионов России. Во время первого приезда маршрут был следующим: Москва — центральные районы России — Среднее Поволжье (г. Коломна, Борки, Касимов, Елатьма, Муром). Книга представляет собой рассказ о волжских городах — Казани, Тетюшах, Симбирске, Самаре, Саратове и Царицыне. Эти описания содержат богатый и разносторонний материал о народах, населявших Среднее Поволжье, прежде всего о татарах и мордве.

Минуя побережье Каспия и г. Шемаху, К. де Бруин уехал в Персию (Иран) и далее на юго-восток Азии, где пробыл вплоть до 1708 г. В 1707 — 1708 гг. он второй раз посетил Россию по пути из Азии в Европу. В 1707 г. в г. Астрахани писатель присоединился к послу Грузии, который следовал в Польшу. С его обозом К. де Бруин проделал путь по маршруту Астрахань — Саратов — Пенза — Инсар — Троицк — Темников — Касимов — Владимир — Москва. Исследователь донес до нас чрезвычайно любопытные сведения по топонимике мордовского края.

Другим иностранцем, написавшим произведение, содержащее сведения о Среднем Поволжье, был английский инженер Дж. Перри, который в 1698 г. был представлен Петру I и вскоре поступил к нему на службу. До 1701 г. он возглавлял проект строительства канала, соединявшего р. Волгу и Дон по р. Камышинка и Иловля, где встретился с мордвой, несшей там охрану. Он имел возможность лично получить сведения о социокультурной жизни этого финно-угорского этноса.

Автором сочинений о России является также шотландский врач Дж. Белл. Более 30 лет он состоял на службе в России. В 1715 г. сопровождал посольство А. Волынского в Персию (Иран), 1719 г. — в Китай, в 1720-е гг. — в Дербент и Константинополь и др. Путевые записки «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь» Дж. Белла пользовались большим спросом как в научной среде, так и у простых обывателей, поскольку приоткрывали завесу тайны не только о жизни России, но и населяющих народов, их быте, культуре, нравах, духовной и материальной жизни.

Выдающаяся роль в создании научно-реалистического образа России принадлежит шведу Ф. И. фон Страленбергу (Табберту). В 1709 г. он участвовал в Полтавской битве, был пленен и сослан в Сибирь, где находился 13 лет. Свободное время он посвящал кропотливому поиску историко-этнографической и географической информации.

В 1730 г. вышло его сочинение «Северная и Восточная части Европы и Азии...». Работа учебного представляет собой ценный исторический источник. Отдельного внимания заслуживает

---

<sup>8</sup> См.: Бруин К. де. Указ. соч. ; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе / пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871 ; Белл Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / пер. с фр. М. Попова : в 4 ч. СПб., 1776. Ч. 1.

вклад исследователя в изучение финно-угорских и тюркских языков народов Российского государства. Ф. И. фон Страленберг одним из первых предложил классификацию урало-алтайских, сибирских и частично кавказских языков, указал точно для своего времени ареалы их распространения. Его материалы о религиозных верованиях и ритуалах мордвы уникальны и нашли свое подтверждение в исследовании И. И. Лепёхина.

Особую роль в формировании корпуса научных исследований по истории, этнографии, культуре, географии и топонимике Среднего Поволжья в XVIII в. играла экспедиционная деятельность. Благодаря Великой Северной (или Второй Камчатской; 1733 — 1743) и Физической (или Академической; 1768 — 1774) экспедициям, организованным Академией наук, была обследована обширная территория России и собран богатый материал по географии, картографии, геологии, минералогии, зоологии, ботанике, истории, этнографии, лингвистике, фольклору и демографии, а также статистические сведения об экономическом развитии Среднего Поволжья.

Одним из выдающихся исследователей, принимавших непосредственное участие в экспедиционной работе, был Г. Ф. Миллер. Следуя речным путем по Волге, осенью 1733 г. он прибыл в г. Казань, где несколько недель собирал историко-этнографический и лингвистический материал. Непосредственно с представителями мордовского этноса ученый не контактировал<sup>9</sup> (как, впрочем, и с татарами, мари, чувашами, удмуртами и др.), тем не менее с помощью переводчиков собрал уникальные историко-этнографические и лингвистические материалы, а также коллекцию подлинных и скопированных редких архивных документов XVI — XVII вв. по истории России. Перу ученого принадлежит одно из первых историко-этнографических исследований — «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...», посвященное духовной и материальной культуре марийцев, чувашей и удмуртов. Собранные им сведения составили солидный научный архив «Портфели Г. Ф. Миллера»<sup>10</sup>, поступивший в архив Академии наук и до настоящего времени в полном объеме не введенный в научный оборот.

Свой опыт исследования древностей Г. Ф. Миллер изложил в подробной инструкции для адъютанта И. Э. Фишера, сменившего его в экспедиции 1743 г. Наработки и результаты Великой Северной экспедиции имели важное значение для исследования Среднего Поволжья. Они получили широкое применение в масштабной Физической экспедиции.

Академией наук было направлено 5 экспедиционных отрядов, объединенных общей целью и единой инструкцией, в составлении которой принимали участие видные ученые. Три отряда считались оренбургскими (их возглавляли П. С. Паллас, И. И. Лепёхин и И. П. Фальк), два — астраханскими (во главе с С. Г. Гmeliным и И. А. Гильденштедтом). Главная задача экспедиции заключалась в комплексном исследовании природы и населения России с его хозяйством, бытом и культурой. Особое значение придавалось обследованию и оценке экономического состояния отдаленных районов, агротехнического уровня и перспектив развития различных отраслей сельского хозяйства, лесного дела, рыболовства и промыслов, а также поиску пустыющих земель, пригодных под пашню. Кроме того, изучался технико-экономический уровень металлургических и горнорудных заводов, собирались сведения по этнографии, народному образованию, медицинскому обслуживанию населения, ветеринарии, а также богатый фольклорный и картографический материал<sup>11</sup>.

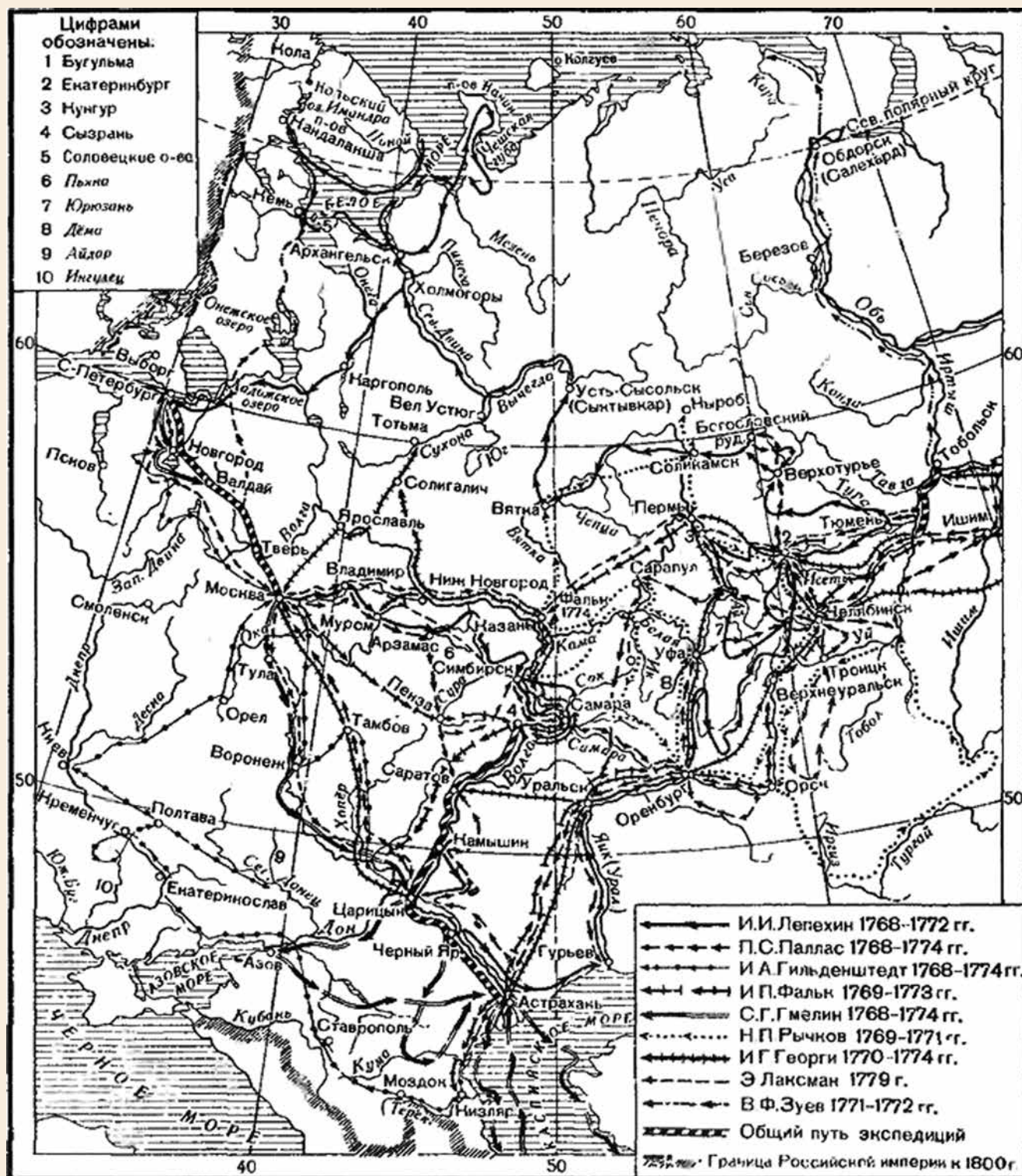
Самым тщательным образом были разработаны схемы экспедиционных маршрутов. Территория Среднего Поволжья по проекту экспедиционного исследования была охвачена практически полностью. Планировалось следующее путешествие: в июне 1768 г. отправлялся отряд И. И. Лепёхина, за ним — отряд П. С. Палласа и несколько месяцев спустя — отряд И. П. Фалька. И. И. Лепёхин должен был проследовать через г. Москву в г. Симбирск и далее к р. Черемшан. Было решено, что П. С. Паллас обследует тем временем приволжские области между г. Симбирском, Сызранью и Самарой, откуда по р. Самаре проедет до Борской или Сорочинской крепости. Вер-

<sup>9</sup> См.: Юрчёнков В. А. Указ. соч. С. 196.

<sup>10</sup> РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 199. Оп. 1593 — 1800. Ед. хр. 2664.

<sup>11</sup> См.: Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949. С. 429.

нувшись в г. Самару другой дорогой, П. С. Палласу надо было встретиться с И. И. Лепёхиным, уже исследовавшим к тому моменту Ставропольскую провинцию. Наметив место встречи для обсуждения дальнейших действий, им стоило отправиться вниз по р. Волге через г. Саратов и Дмитриевск до г. Царицына, причем один из них должен был следовать по воде, чтобы внимательно изучить левый берег Волги, другой — передвигаться по суше, по правому берегу реки. Перезимовать путешественники планировали в г. Царицыне, а лучше — в г. Гурьеве, где зимние наблюдения принесли бы больше пользы. И. П. Фальк осенью должен был отправиться из г. Москвы через г. Пензу в г. Саратов, а оттуда по р. Медведице доехать до Усть-Медведицы, затем



Маршруты отрядов Академической экспедиции 1768 — 1774 гг.

(URL: [https://coollib.net/b/298940-iosif-petrovich-magidovich-ocherki-po-istorii-geograficheskikh-otkryitiy-t-3-geograficheskie-otkryiti\\_](https://coollib.net/b/298940-iosif-petrovich-magidovich-ocherki-po-istorii-geograficheskikh-otkryitiy-t-3-geograficheskie-otkryiti_))

последовать в г. Дмитриевск и далее в г. Царицын или г. Гурьев на зимовку с коллегами. С незначительными отступлениями программа была реализована. Совпадение некоторых маршрутов П. С. Палласа и И. И. Лепёхина было связано с тем, что в инструкции Академии наук предусматривалось, чтобы одни и те же пункты пребывания были описаны в разное время года. Если это относилось к Поволжью, то один из участников выбирал нагорный берег р. Волги, другой — луговой.

В ходе работы экспедиционных отрядов был собран богатый историко-этнографический, лингвистический, картографический и географический материал, который актуален в исследовании Средневолжского региона и в настоящее время. Всеми участниками велись путевые дневники, которые составлялись на основе личных наблюдений и сведений из документов, а также собирались минералогические, этнографические, нумизматические и другие коллекции. В Академию наук отправлялись заметки, копии собранных документов и карт, первоначальные наброски научных трудов. Полученные материалы позволяли сформировать новые теоретико-методологические подходы к исследованию социокультурной, общественно-политической и экономической жизни населения Среднего Поволжья. Они нашли отражение в трудах И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова, И. П. Фалька и др.

Фундаментальные труды, написанные участниками академических экспедиций последней четверти XVIII в., на несколько последующих десятилетий определили основные направления развития ряда наук не только в России, но и за ее пределами, сформировав новое поколение исследователей — практиков.

Весомый вклад в изучение Среднего Поволжья внес Н. П. Рычков. Оставив военную службу, в 1768 г. он вошел в состав Физической экспедиции, в ходе которой исследовал места по западному берегу р. Белой до Камы и далее до г. Кунгура, Челябинска и по Киргизской степи; осматривал Соликамские заводы. Во время экспедиции Н. П. Рычков в 1769 — 1770 гг. объездил Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Его труд «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году» был издан Российской академией наук в 2 частях (СПб., 1770 — 1772), а в 1774 г. переведен на немецкий язык.

Особый интерес представляют историко-этнографические материалы исследователя, собранные в ч. 1 «Журнала...». Здесь содержатся наблюдения об автохтонных финно-угорских и тюркских народах Поволжья, к которым он отнес удмуртов, татар и марийцев. Изображению удмуртов и мордвы (Н. П. Рычков побывал в мордовских селах Сок-Кармалы, Актать, Мордовский Бугуруслан и других на левобережной Волге) автор отвел значительно меньше места, чем описанию других этносов, осветив только их промыслы, особенности ведения сельского хозяйства и скотоводства.

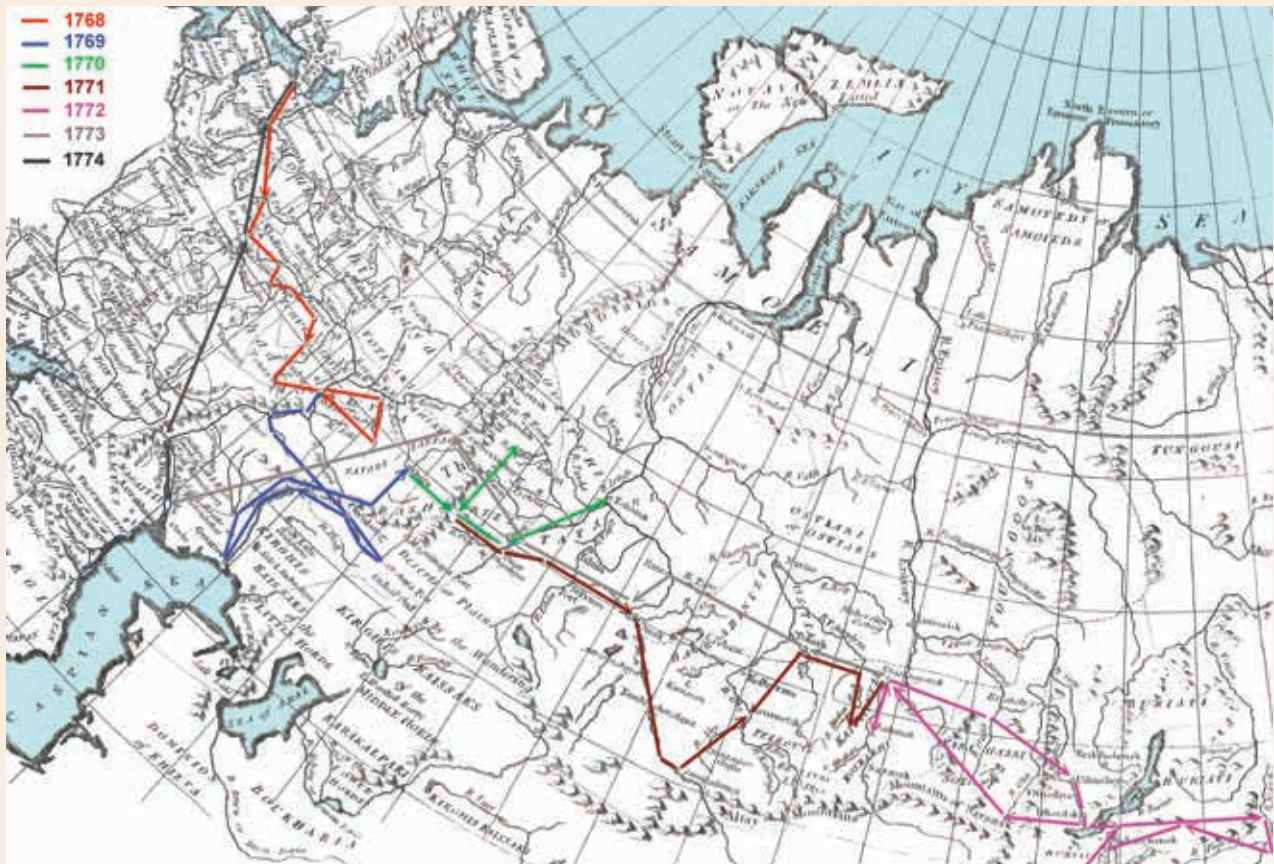
Одним из выдающихся ученых, вписавших свое имя в историко-этнографическую летопись XVIII в., был П. С. Паллас. Ему в 1768 г. по решению Академии наук было поручено возглавить Физическую экспедицию. Под его руководством были обследованы Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье, Урал, Зауралье, Алтай, Западная Сибирь, юг Восточной Сибири и Забайкалье. Путь отряда в 1768 — 1769 гг. проходил по р. Оке через г. Муром и Арзамас, по р. Пьяне через г. Саранск, Инсар, Пензу, Симбирск, Самару, Оренбург, Уфу. Во время путешествия по Среднему Поволжью П. С. Паллас посетил следующие мордовские населенные пункты: Пилокшово, Чиркуш, Пермеево, Гичалки (или Ичалы), Шадин, Коршиман, Кимишкер, Селиксы, Мелекес Мордовский, Кармала, Седелкино, Афонкино, Сок-Кармалы, Алексеево и др.

Центральное место в научном наследии П. С. Палласа занимает «Путешествие по разным провинциям Российской империи»<sup>12</sup>. Оно содержит разнообразный, систематизированный и чрезвычайно богатый материал о народах Среднего Поволжья. Эта работа вобрала в себя черты как источника (дневник, путевые заметки), так и научного исследования. Извлечения из нее публиковались также в тематических сборниках, посвященных истории России<sup>13</sup>. Сведения о средне-

<sup>12</sup> См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1.

<sup>13</sup> См.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 457 — 540 ; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2. С. 147 — 150.





Маршрут экспедиционного отряда П. С. Палласа (1768 — 1774 гг.)

(источник: Второв И. П. Роль экспедиции П. С. Палласа (1768 — 1773 гг.) в «зарождении геологических наук» в России // Семинар секции «История естествознания» Московского общества испытателей природы — «П. С. Паллас и отечественная наука». URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/83874143/>)

волжских этносах (характеристика природных условий и ресурсов территории их проживания, политическая, социально-экономическая, материальная, духовно-культурная и бытовая жизнь) вошли в ч. 1, изданную в г. Франкфурте и Лейпциге (1773). С точки зрения этнографии, академик зафиксировал деление мордовского народа на два субэтноса: эрзю и мокшу. Описывая современную ему мордву, он отмечал сильное влияние христианства. П. С. Паллас достаточно детально осветил семейно-брачные отношения, внешность, традиции национальной кухни, народную медицину и другие стороны материальной и духовной жизни народов Среднего Поволжья, которые привлекали внимание западноевропейских авторов XVI — XVIII вв.

Нельзя не согласиться с В. А. Юрчёнковым, высоко оценившим вклад П. С. Палласа в процесс накопления историко-этнографических знаний о средневожских народах: «...к концу XVIII в. в западноевропейской литературе стал завершаться процесс перерастания эмпирических данных о мордовском народе в науку. Несмотря на то, что его работа носит характер путевых заметок, по сути дела дневника, она является этапной. До П. С. Палласа ни один из западноевропейских авторов не дал такой полной, можно сказать, системной картины жизни мордовского народа и края. Без сомнения, это было серьезное достижение, крупный успех»<sup>14</sup>.

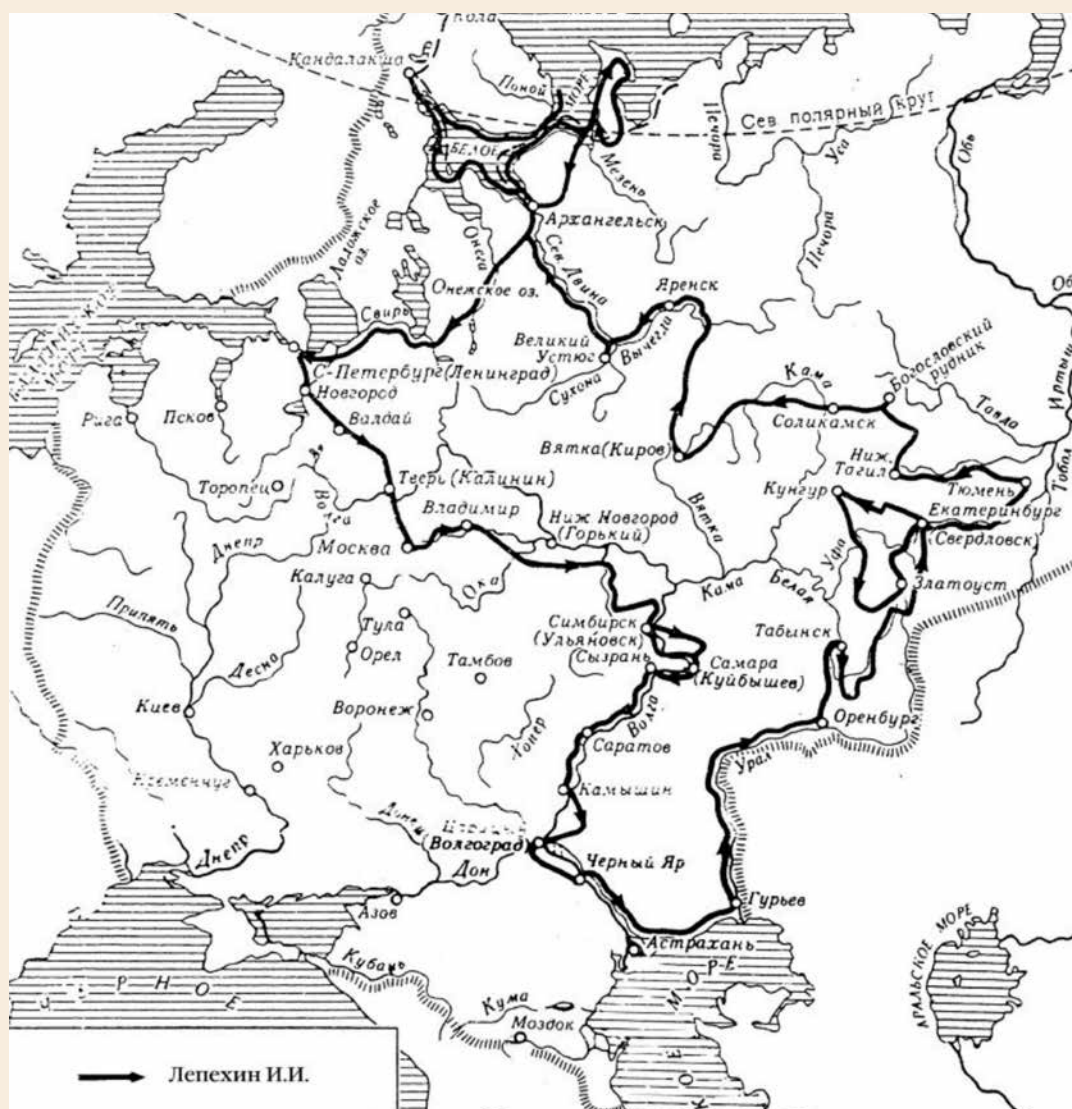
Отдельная страница в истории исследования Российского государства принадлежит И. И. Лепёхину, одному из видных русских путешественников и ученых второй половины XVIII в. Посвятив всю жизнь изучению географии, истории и этнографии России, он обладал обширными знаниями в области естественно-научных и гуманитарных дисциплин, в совершенстве владел латинским, греческим, немецким и французским языками, «ума был быстрого; в суждениях тверд; в исследованиях точен; в наблюдениях верен»<sup>15</sup>.

<sup>14</sup> Юрчёнков В. А. Указ. соч. С. 212.

<sup>15</sup> Лукина Т. А. Иван Иванович Лепёхин. М.; Л., 1965. С. 54.

И. И. Лепёхин, как было указано выше, являлся руководителем одного из отрядов Физической экспедиции. Их маршрут пролегал следующим образом: Петербург — Москва — Владимир — Муром — Арзамас — Ставрополь — Симбирск. Осенью — зимой 1768 г. отряд проехал г. Муром, Арзамас, Курмыш, Алатырь и благополучно достиг г. Симбирска. Здесь И. И. Лепёхин вместе с П. С. Палласом и И. П. Фальком провели зиму 1768 — 1769 гг. Это дало возможность ученым согласовать планы дальнейших путешествий. Из г. Симбирска отряд И. И. Лепёхина направился в г. Сызрань, а затем в г. Саратов, Дмитриевск, Царицын и Черный Яр. До конца года они обследовали север Приволжской возвышенности, верховья р. Большого Черемшана и Сока<sup>16</sup>.

Свои странствия И. И. Лепёхин описал в четырех томах «Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства», вышедших в 1771 — 1780 гг. (ч. 1 — 3) и 1805 г. В труде содержится обширная историко-этнографическая информация о финно-угорских и тюркских народах Среднего Поволжья. Значительная часть этих сведений сконцентрирована в повествовании о д. Черемшан Чистопольского уезда Казанской губернии и очерке «О мордве, чувашах и татарах». И. И. Лепёхин отмечал своеобразную этноконфессиональную ситуацию, сложившуюся в Средневолжском регионе, такие бытовые реалии, как дисперсный характер расселения мордвы и кучная планировка мордовских деревень. Он установил сходство многих элементов бытовой, культурной и религиозной жизни мордвы и



Маршрут экспедиционного отряда И. И. Лепёхина (1768 — 1772 гг.)

(URL: <https://www.ras.ru/lomoexpedition/d81e010d-9752-467e-aac4-21885983fa69.aspx?hidetoc=0>)

<sup>16</sup> См.: Фрадкин Н. Г. Путешествия И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского. М., 1948. С. 43.

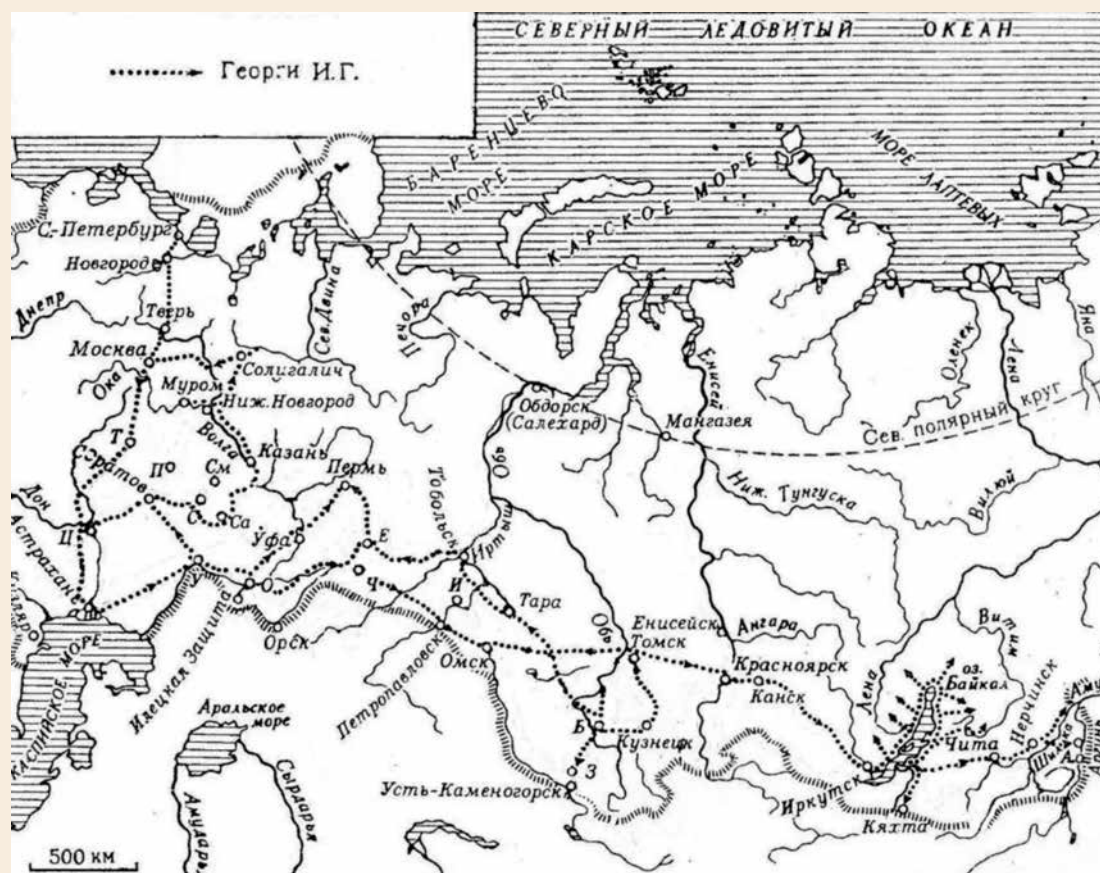
чувашей. Особое внимание уделил описанию женского костюма мордвы, чувашей и татар. Примечательным является факт констатации И. И. Лепёхиным бинарности мордовского этноса и наличия дохристианской эндогамии между субэтносами. Мордва-мокша и мордва-эрзя не роднились между собой. Автор детально описал ритуалы жизненного цикла у мордвы, чувашей и татар, уделив особое внимание брачной обрядности. Он отмечал, что некогда у мордвы были распространены многоженство и левират. Умыкание невесты практиковалось и во второй половине XVIII в. В то же время становился очевидным факт аккультурации, что наложило отпечаток на брачную обрядность. Это было прямым следствием христианизации.

Решающую роль в обобщении накопленных историко-этнографических сведений о народах, населяющих Российское государство, сыграл И. Г. Георги, выдающийся немецкий ученый и путешественник, профессор минералогии и академик Императорской академии наук и художеств.

В 1768 г. он изъявил желание сотрудничать с Российской академией наук. Известно, что в 1770 — 1774 гг. И. Г. Георги участвовал в Физической экспедиции в отряде И. П. Фалька, занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья и Даурии. В 1774 г. за научно-исследовательскую деятельность в экспедиции он был награжден золотой медалью и денежной премией. Научные фонды академии пополнились естественнонаучными и этнографическими коллекциями, а также выполненными им рисунками.

Следует отметить, что исторические и этнографические труды И. Г. Георги в XVIII в. пользовались популярностью как в научном мире, так и среди обывателей, имевших к науке отдаленное отношение. Так, была широко известна его работа «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (1776 — 1777, ч. 1 — 3; 1780, ч. 4). Сочинение содержит 100 уникальных рисунков, запечатлевших внешний вид и национальные костюмы этих народностей, что также популяризировало его.

Вышеназванная работа является итогом этнографических исследований И. Г. Георги. В ней ученый суммировал все доступные ему сведения о народах России, дополнив их своими впечат-



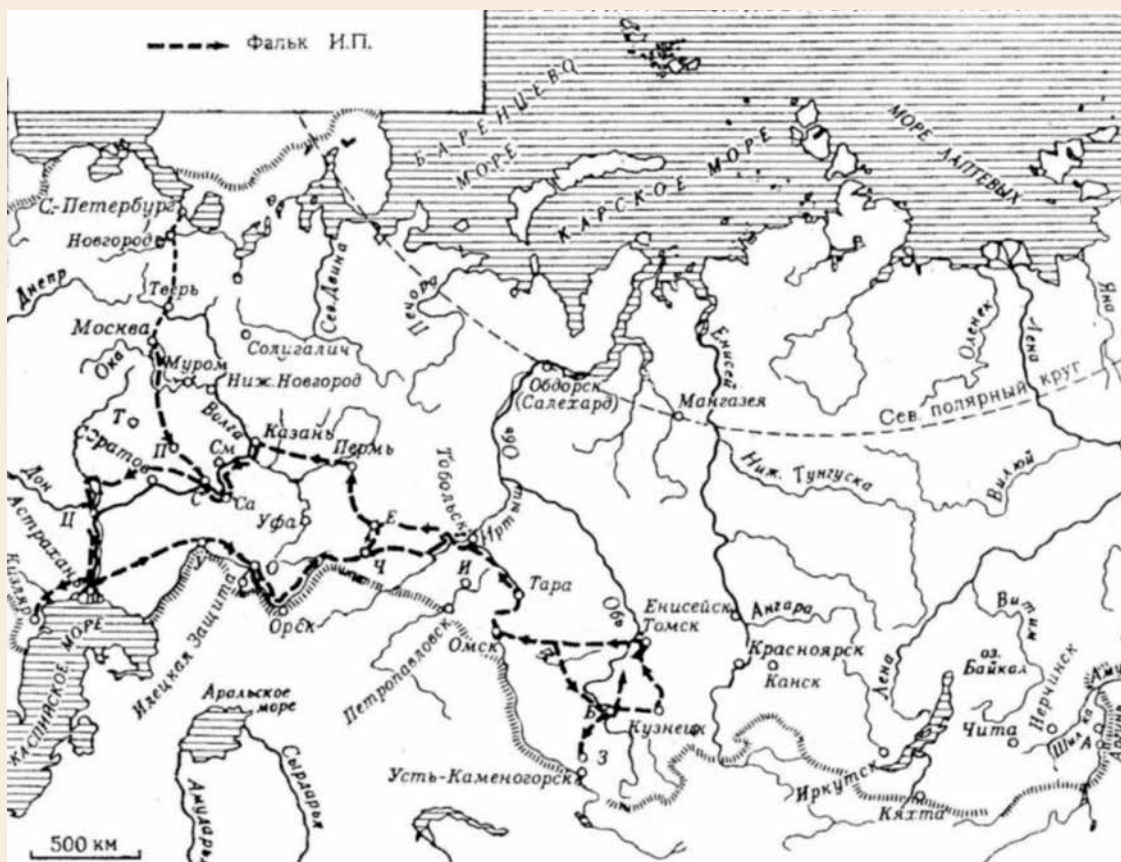
Маршрут экспедиционного отряда И. Г. Георги (1770 — 1774 гг.)

(URL: <https://www.ras.ru/lomoexpedition/df99ada0-63ff-4585-ac6f-cb4369d75ad7.aspx?hidetoc=0>)

лениями. Именно его произведение в значительной степени предопределило специфику восприятия средневожских этносов, став первым фундаментальным обобщающим научным трудом о народах Российской империи. И. Г. Георги как представитель другой культурной традиции, благодаря длительному пребыванию в России, отметил наиболее колоритные черты психолого-поведенческих особенностей образа жизни, быта, нравов, материальной и духовной жизни финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья. Помимо личных наблюдений, сделанных им во время экспедиции, он критически переосмыслил работы Н. П. Рычкова, П. С. Палласа, И. И. Лепёхина, И. П. Фалька и других об этносах, населявших Российскую империю, систематизировав их с учетом уровня исторических знаний и реалий того времени. Особенно важным было то, что сочинение представляло собой научный труд, целью которого являлось описание народов Российского государства, а не отчет или путевые заметки. Это нашло отражение в его четкой структуре — 4 части, каждая из которых включает в себя отдельные очерки.

Сочинение И. Г. Георги не лишено некоторых неточностей, что обусловлено уровнем развития в XVIII в. языкознания, истории и этнографии. Так, ученый отнес к финно-уграм чувашей, что неверно, поскольку чувашский язык входит в алтайскую языковую семью тюркской группы, в которой составляет особую чувашскую подгруппу. Несмотря на это, исследователь не только отмечал определенное лингвистическое сходство чувашей и финнов, но и находил подобие в некоторых элементах религиозной обрядности, обычаях, традициях, быте и т. д. В соответствии с этим принципом, противоречащим современным научным представлениям, а также с уровнем развития исторической науки того времени ученый отнес к финским народам марийцев, мордву и удмуртов.

Весомый вклад в развитие российской науки внес И. П. Фальк, один из талантливых учеников К. Линнея, участвовавших в экспедициях в разные части света, действовавших по планам и выполнявших задания своего учителя, присылая ему семена растений, а также гербарные и зоологические образцы. В 1768 г. И. П. Фальк был назначен начальником пятого отряда Физической экспедиции в Восточную Россию для ее изучения в естественно-историческом и этнографиче-



Маршрут экспедиционного отряда И. П. Фалька (1769 — 1773 гг.)

(URL: <https://www.ras.ru/lomoexpedition/96a21d9e-61a5-44f3-8528-b020fc0e0642.aspx>)

ском отношении. С 1770 г. он работал совместно с И. Г. Георги, направленным Академией наук для усиления ее научно-исследовательского состава. В ходе экспедиции И. П. Фальк прошел по маршруту Ока — Сура — Волга через Рязанскую, Пензенскую, Симбирскую, а затем Казанскую провинции<sup>17</sup>. За 6 лет он собрал богатый историко-этнографический и естественно-научный материал.

«Записки путешествия академика Фалька» имеют вид путевых заметок. Исследователь фиксировал полученные им сведения по мере продвижения от одного географического объекта к другому. Если проводить детальный анализ, можно достаточно четко выделить несколько тематических блоков, в соответствии с которыми строилась каждая глава, посвященная определенному участку пути, пройденному автором. Достаточно любопытными представляются его замечания о жизни принявшей православие мордвы и о том, как к ней относились русские и соплеменники-язычники. И. П. Фальк также отметил особенности расселения мордвы, которая постепенно смешивалась с русскоязычным населением, т. е. наблюдался переход от локального расселения к дисперсному. Произведение содержит чрезвычайно богатый статистический материал о социально-экономической, демографической и этноконфессиональной ситуации, сложившейся на территории Среднего Поволжья в 60-е гг. XVIII в.

Одним из самых разносторонних и талантливых писателей и ученых второй половины XVIII в. был М. Д. Чулков. Он известен как составитель сборников народных песен и этнографических словарей, представляющих большой интерес в равной степени для филологов и историков.

Всю жизнь М. Д. Чулков собирал народный фольклор. Ему принадлежит один из первых удачных опытов систематизации мифолого-этнографического материала на энциклопедическом уровне. В 1782 г. вышел в свет его «Словарь русских суеверий», переизданный в 1786 г. под названием «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.». Это этнографический энциклопедический словарь, вобравший в себя первый опыт сведения известного материала о суеверных представлениях и обрядах различных народов, проживавших в России. Тематические статьи в работе выстроены по алфавитному принципу. Каждая из них содержит концентрированные сведения по определенной тематике и охватывает отдельные аспекты духовно-культурной жизни средневожских народов, их календарных обрядов и ритуалов жизненного цикла.

Эпоха просвещенного абсолютизма способствовала созданию трудов, сочетавших в себе практические и научные интересы. Свообразными историческими источниками XVIII в. являются топографические описания наместничеств и губерний Российской империи. В 1775 г. Екатерина II провела очередную административно-территориальную реформу. В результате было принято решение об укрупнении губерний. С этой целью две или три губернии объединяли в одно наместничество. Административно-территориальная реформа проходила на фоне географических экспедиций, в ходе которых следовало уточнить расположение городов и других географических объектов на карте государства, а также провести ревизию ресурсов и народонаселения в губерниях. Для этого императрица совместно с Российской академией наук составила анкеты, или так называемые запросные пункты, которые в 1781 — 1782 гг. направлялись в наместническое правление и канцелярии губернских городов, и общероссийскую анкету (1783). Это подтверждает опись дел ф. 846 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Для сбора разнопланового материала — от описания топографии, ландшафта, населенных пунктов, административно-территориального деления, этноконфессиональной характеристики населения, историко-этнографических сведений до характеристики экономического потенциала наместничества (природные ресурсы, ремесла, народные промыслы и т. д.) — в наместничества и губернии города снарядили экспедиции. Известно, что Академия наук направила указания в Симбирское наместничество в 1782 г., в Пензенское и Казанское — в 1783 г.

---

<sup>17</sup> См.: Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 73.

Результатом этой деятельности стали «Топографическое описание Пензенского наместничества», «Топографическое описание по Казанскому наместничеству вообще и каждого города и уезда» неизвестных авторов и «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще по вышеизъясненным запросным пунктам от кабинета Ея императорского величества 22-го марта 1784 года» Т. Г. Масленицкого. Схема их построения была универсальной.

Время создания «Топографического описания Пензенского наместничества», предположительно, середина 1780-х гг. М. С. Полубояров датой составления документа определил конец 1784 — начало 1785 г., подчеркивая, что встречающуюся дату — 1789 г. — следует считать опиской<sup>18</sup>. Источниковая база этой работы существенным образом не отличается от других подобных сочинений. Ее значимость заключается в том, что она вобрала в себя уникальные топографические, исторические, экономические, статистические, демографические этноконфессиональные и социальные статистические сведения о Пензенском наместничестве по состоянию на 1784 г. В качестве источников составления топографических описаний, кроме официальных данных, статистических справок и материалов делопроизводства, широко использовались «Царственная книга», «Опыт Казанской истории», «Древний летописец» и «Российская история» В. Н. Татищева, опубликованные к тому времени, а также труды академических экспедиций, в частности сочинения Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. И. и Н. П. Рычковых, И. Г. Георги, и другие доступные источники, содержащие материалы по региональной топонимике, географии, истории и этнографии.

Несмотря на то, что авторство некоторых топографических описаний остается анонимным, это не умаляет их значимости как исторических документов. Скорее всего, топографические описания Пензенского и Казанского наместничеств были подготовлены коллективом авторов, предположительно чиновниками канцелярии наместника или губернатора. В любом случае люди, которые участвовали в их написании, обладали достаточным уровнем образования и имели доступ как к научным трудам современников, так и к материалам, которыми в то время могли располагать только государственные ведомства. У составителей топографических описаний были навыки работы со значительным объемом служебной информации, поскольку все материалы, полученные в уездах от землемеров, капитан-исправников, старост и т. д., сводили чиновники в губернских городах и центрах наместничеств.

Одним из самых интересных и информационно насыщенных является «Топографическое описание Симбирского наместничества...» Т. Г. Масленицкого с обширной историко-этнографической частью, написанной К. С. Мильковичем. Временем создания этой работы является период между 1782 и 1785 гг. Работа была завершена, вероятно, к 1786 г., о чем говорит помета на титульном листе рукописи о том, что она была получена в г. Санкт-Петербурге по месту назначения «февраля 12[-го] дня 1786 года»<sup>19</sup>. При составлении топографических описаний привлекался широкий круг специалистов (картографы, землемеры, сотрудники губернских архивов и др.). В губернских центрах производилась картографическая работа по уточнению карт наместничеств под руководством специалистов, командированных Академией наук. Статистические данные о монастырях, церквях и священнослужителях поступали из канцелярий Тамбовской, Нижегородской, Казанской и Астраханской епархий, на нижнем уровне, согласно «опросным пунктам», — из городских магистратов, от комендантов, городских и капитан-исправников.

Самой колоритной частью «Топографического описания Симбирского наместничества...» стали историко-этнографические очерки «О мордве», «О чувашах» и «О татарах» землемера К. С. Мильковича<sup>20</sup>. В ходе рабочих поездок он неоднократно сталкивался с мордвой, чувашами, удмуртами, татарами и другими этносами Российской империи. Свои наблюдения о жизни этих народов К. С. Милькович изложил в сочинениях, которые впоследствии попали в руки надворно-

<sup>18</sup> См.: Топографическое описание Пензенского наместничества / под ред. М. С. Полубоярова. М., 2011. С. 4.

<sup>19</sup> Трофимов Ж. Первый историограф. Ульяновск, 1996. С. 10.

<sup>20</sup> РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026. Л. 1 ; Трофимов Ж. Указ. соч. С. 11.

го советника Симбирского наместничества Т. Г. Масленицкого. Среди исследователей бытует предположение, что К. С. Милькович собирал этнографический материал по программе Вольного экономического общества.

Не менее яркое описание Среднего Поволжья конца XVIII в. дал поляк Я. Потоцкий. В его сочинении «Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году» повествуется о представителях финно-угорских народов, проживавших близ г. Рязани, и колонии мордовских переселенцев в районе г. Астрахани. Извлеченные фрагменты носят достаточно эмоциональный характер. Автор запечатлел не только историко-этнографический колорит экзотического для поляка мордовского народа, но и некоторые черты национального характера этого этноса. Сочинение Я. Потоцкого было написано на французском языке. На русском языке оно вышло только в 1828 г. Впоследствии фрагменты из него несколько раз приводились в научной литературе.

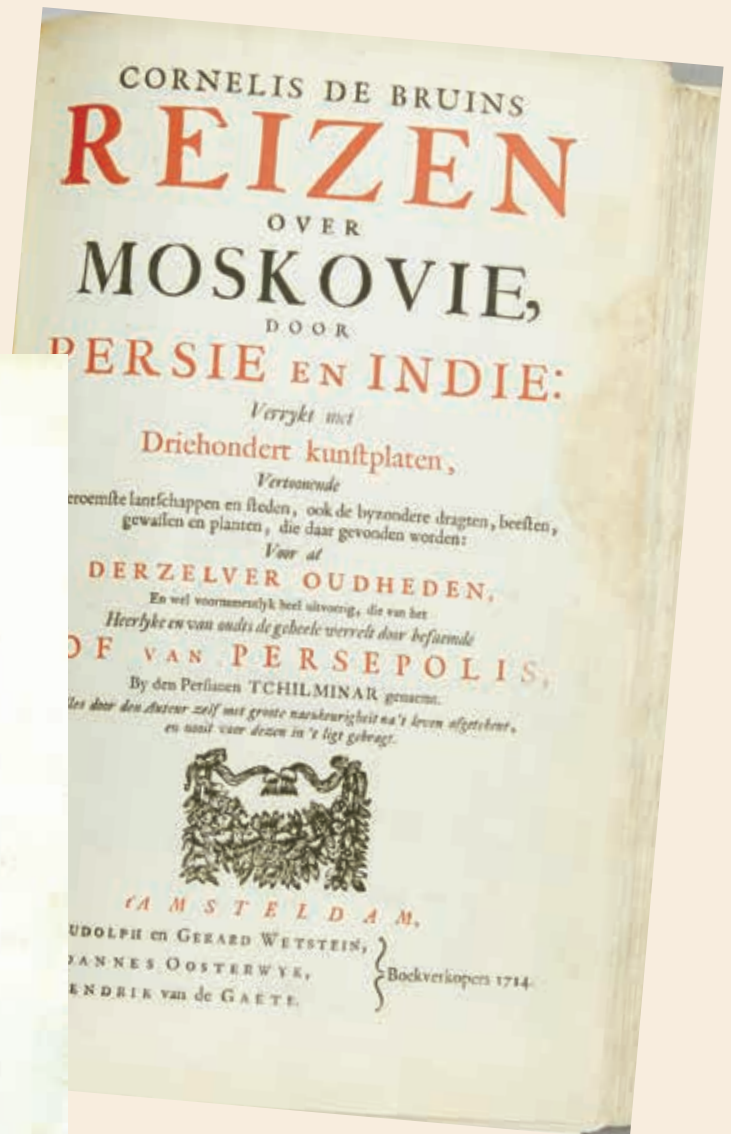
\* \* \*

Альбом-каталог «Поволжье. Взгляд со стороны (По материалам путешественников XVIII в.)» представляет собой издание научно-популярного типа, в котором представлены фрагменты историко-этнографических свидетельств XVIII в. по истории, этнографии, общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни мордвы, татар, марийцев, удмуртов и чувашей, извлеченные из записок путешественников, дневников и академических трудов российских и западноевропейских ученых. Тексты переданы с сохранением стилистических и языковых особенностей. Географические наименования приводятся в том виде, в котором встречаются в тексте документа. Все карты и изображения снабжены подписью и легендой.

Уникальность данного издания состоит в систематизации историко-этнографических материалов XVIII столетия по истории коренных народов Среднего Поволжья. Альбом-каталог восполняет имеющиеся пробелы в изучении их истории, духовной и материальной культуры.

*Н. О. Шкердина,  
кандидат исторических наук, доцент*

Бруин Корнелий де (1652, г. Гаага — около 1725 (1727?), г. Утрехт, Голландия), художник, путешественник, ученый





## КОРНЕЛИЙ ДЕ БРУИН

### ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ

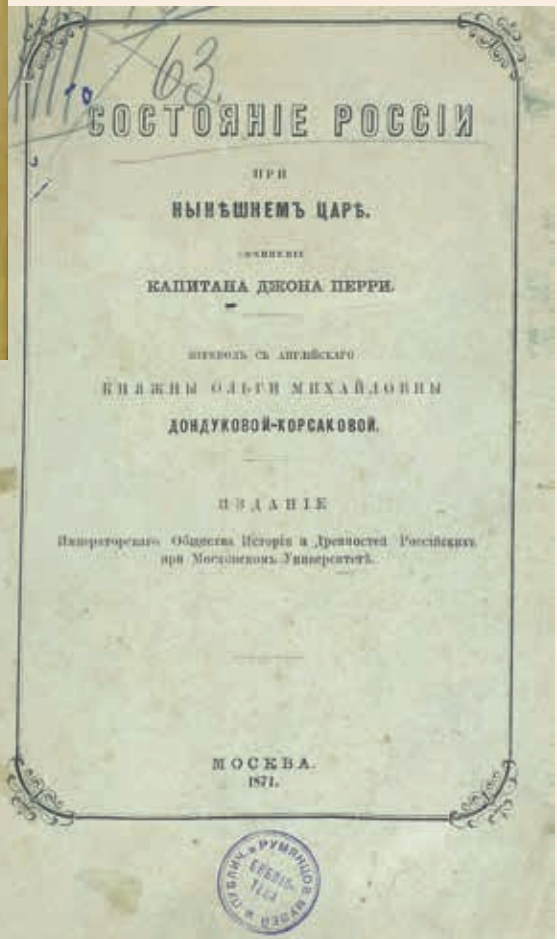
<...> После того мы отправились в дальнейший путь и, проехавши 2 часа, прибыли пополуудни в селение Ямской (Jems-koу), довольно большое и с одной деревянной церковью, в 8 верстах от города, в которое въехали по деревянному мосту. К вечеру приехали в село Кочелаево (Katsjalava), отстоящее на 8 верст от предыдущего. 16-го числа, с рассветом дня, мы переехали по длинному каменному мосту реку Мокшу (Moksa), впадающую в Оку. Затем мы проехали лес, простиравшийся на 8 верст, одну деревню, состоявшую из двух улиц, и выбрались на окольную дорогу, очень просторную, на которой раскинуто несколько селений, потом переправились вторично через реку по мосту, здесь уже замерзшую, и в полдень, проехавши далее 3 версты, прибыли в Троицк (Тroyetskie), а из него, около 5 часов, 6 верст далее в село Балчапино (Beltsojatsjas), в 30 верстах от Инсара. На другой день, в 3 часа пополудни, проехав 8 верст, прибыли в село Оброчное (Abresna), где и остались на несколько часов. Спеша далее, ехали через разные места 15 верст и прибыли в деревню Михайловку (Miegaloskie), а 18-го числа проехали множество рощиц, среди которых течет Мокша, довольно широкая тут; через нее лежит здесь деревянный мост, со сторожкой в конце его. В 9 часов мы прибыли в Темник (Djmnik), бедный городок, совершенно открытый и без крепости или кремля. 20-го числа, когда я был уже готов пуститься далее с моими тремя лошадьми, посланник Грузии опять заспорил с местными жителями, не хотевшими давать ему бесплатно лошадей, вследствие чего мы теряли опять дорогое для нас время, и это бесило меня, потому что я не мог ехать без посланника. Наконец спорящие согласились, и мы в час пополудни пустились в дорогу вдоль упомянутой, текущей мимо города реки, а затем въехали в лес, в котором река продолжает свое течение, и здесь повстречали много русских проезжих. Далее шла дурная дорога лесом, который проехали лишь вечером и, сделав 15 верст, прибыли в селение Веденяпино (Wedenapina), в котором мы и заночевали. С рассветом дня мы поехали опять лесом и еще раз переправились через реку по деревянному мосту. Опять и здесь мы нашли предурную дорогу, усеянную ямами и проложенную между дерев так, что в некоторых повозках наших ломались оси по 7 и 8 раз, и мы должны были останавливаться и терять время на то, чтобы как-нибудь поправить наши повозки с помощью молодых деревьев. С наступлением ночи, проехав 15 верст, мы должны были остановиться в лесу близ небольшой часовни, при которой находилось много духовенства, так как одна повозка изломалась, вечер наступил, а ночью нельзя было пускаться в путь. Мы потому разложили большой огонь и поставили надежных часовых. С рассветом следующего дня мы отправились в дальнейший путь и, ехав 2 часа по берегу реки, переправились через нее по мосту, устроенному на двух плотях и выдерживавшему только по две повозки за раз. Река в этом месте имела приблизительно 200 шагов ширины. Спустя более 2 часов выбрались мы из леса на открытую равнину и затем через час достигли Куликова (Koelikove), селения в 10 верстах от того, где мы ночевали в лесу, расположенного на холме, с которого спустились на дорогу, изрытую ямами, полными воды, уже замерзшей в это время; кругом же виднелся лес. 23-го числа, с рассветом дня, мы опять попали в лес и еще раз переехали ту же самую реку по деревянному мосту, за которым дорога пошла опять чрезвычайно дурная, с беспрестанными небольшими мостиками, под которыми протекала вода. За час до полудня, сделав 15 верст, прибыли мы в деревню Алеха (Алехино) (Alossa), а через новых 15 верст ночь провели в Савате (Zavata).

<...>

*Печатается по изданию:  
Путешествие через Московию Корнилия де Бруина /  
пер. с фр. П. П. Барсова, провер. по гол. подлиннику  
О. М. Бодянским. М., 1873*



**Перри Джон** (1670, м. Родборо — 1732, г. Сполдинг, Линкольншир, Великобритания), капитан, инженер, писатель



## ДЖОН ПЕРРИ

### СОСТОЯНИЕ РОССИИ ПРИ НЫНЕШНЕМ ЦАРЕ

<...> В то время, когда я занимался на Камышинке устройством сообщения между Волгой и Доном в течение целого лета, небольшие орды этих татар (имеются в виду калмыки. — *Сост.*) раскидывали палатки свои на противоположном берегу Волги. Для торговых сношений они часто переправлялись через реку, а также и русские переезжали на их берег для той же цели. Многие из них посещали мои работы и с любопытством осматривали снаряды и способ употребления их. Таким образом я имел случай оказывать им вежливость, и они приглашали меня и помощников моих в свой стан, где в разговоре предлагали нам весьма основательные вопросы касательно нашей родины и места нашего происхождения; они всегда принимали нас очень радушно.

Теперь буду я говорить о другом народе, кабанских татарах (Caban Tartars). Они сильного сложения, весьма пропорциональны. Волосы у них черные, цвет лица смуглый, как и у всех прочих татар; они обитают на запад от реки Волги по северо-восточному берегу Черного моря, в области, находящейся между этим морем и Каспийским. Из этой местности они делают постоянные набеги на пограничные русские земли, грабят и жгут селения и нередко увозят с собой рогатый скот, овец, лошадей и даже людей. По этой причине широкая полоса земли на западной стороне Волги, между городом Саратовом и Каспийским морем, почти вовсе не населена, за исключением островов около Астрахани. В городах Камышинке (Камышин. — *Сост.*), Царице (Царицыне. — *Сост.*), Ишорнике и Терки... отстоящих друг от друга на 150, 160 и 200 миль, содержится сильная охранная стража, всегда готовая взяться за оружие в случае тревоги. По причине этих набегов со стороны вышеназванных татар русские в этом крае не пашут и не сеют (хотя почва чрезвычайно плодородна); рожь для продовольствия привозится вниз по реке Волге, и те же суда возвращаются вверх по течению, нагруженные рыбой, солью и проч[им]. Предметы эти вывозятся в таком количестве, что большая часть России пользуется запасами, вывезенными из местечка, отстоящего миль за 30 от Камышинки. Из Астрахани суда на возвратном пути ежегодно привозят богатые персидские и армянские товары, шелковые, бумажные и льняные ткани.

Татары обыкновенно делают свои набеги в летнее время, когда луга покрыты обильной травой, чтоб лошади могли пользоваться подножным кормом. Отправляясь в подобного рода походы, каждый всадник запасается двумя лошадьми, и в походе он попеременно едет на одной, а другую ведет на поводу. Направляясь по пустынной стране, которую русские называют степью, они обыкновенно выступают большими отрядами, и чтобы их приближение не было замечено, во все стороны рассыпаются отдельные всадники для обозрения местности. Они продвигаются вперед с такой быстротой и предосторожностью, что появление их не может быть заранее замечено, и бросаются на всякую добычу, которая попадает им на пути. Опустошив страну, на сколько это для них окажется возможным, они с подобной же поспешностью возвращаются назад, прежде чем русские успеют опередить их и отрезать им отступление. С теми, которые попадутся в плен, с обеих сторон обращаются варварским образом, и этим несчастным весьма редко удается освободиться из неволи. Одно из главных преимуществ, пред[о]ставляемых устройством сообщения между Волгой и Доном, заключалось в том, что это полагало преграду дальнейшим вторжениям этих татар в пределы России.

Во все время, пока я занимался устройством работ на Камышинке, там находилось войско из 2 000 благородных всадников (большая часть из них мордва и морзейские татары (Mordwa and Morzee Tartars), состоящая в непосредственном подданстве царя (об них я буду иметь случай говорить позже)).

Вместе с конницей был также и отряд пехоты в 4 000 человек и 12 полевых орудий, предназначавшихся для предохранения работников от набегов вышеназванных кубанцев, а на расстоянии нескольких миль, на вершинах гор и прочих удобных местах, расставлены были пикеты во избежание внезапных нападений; но, несмотря на все эти предосторожности, однажды на рассвете дня, прежде чем мы могли быть предуведомлены, отряд в 3 000 или 4 000 этих татар подошел к самому нашему стану; однако, как только ударили тревогу и с наших линий начали стрелять из пушек в них, они с поспешностью удалились, прежде чем наши люди успели сесть на лошадей и построиться в должном порядке, чтоб напасть на них. Во время этого набега многие из лошадей наших находились в некотором расстоянии от стана и были захвачены и уведены неприятелем; всего уведено было около 1 400 лошадей; некоторые из них принадлежали войску, другие — рабочим. Захвачены были также в плен несколько человек, которые стерегли лошадей, пока они паслись на лугах, так как в этой стране нет обыкновения огораживать пастбища изгородями.

*Печатается по изданию:*

*Состояние России при нынешнем царе / соч. капитана Джона Перри ; пер. с англ. княжны О. М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871*

Страленберг (Табберт) Филипп Юхан  
(Иоганн) фон (1676, г. Штральзунд, Германия —  
20.9.1747, г. Етинге, Швеция), ученый, путешественник



Портрет Филиппа Иоганна  
фон Страленберга в масштабной  
картуше карты 1730 г.



Карта Российской империи Ф. И. Страленберга. 1730 г.

(URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/63117/imperial-russia-to-their-royal-highnesses-ye-prince-and-p-strahlenberg>)

## ФИЛИПП ИОГАНН ФОН СТРАЛЕНБЕРГ

### СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЧАСТИ ЕВРОПЫ И АЗИИ...

<...> *Mochschiani* (Мокшане. — *Сост.*). Языческий народ в России; живут между городами Ломовом, Тамбовом и Пензой, имеют много обычаев, общих с чувашами [Strahlenberg. *Das Nord- und Östliche Theil...*, p. 401].

*Morduin*. Языческий народ в России; живет в Нижегородской губернии. Что за дурацкий костюм носят их женщины, описано у других авторов.

*Czeremissi* oder *Scheremiessi*. Языческий народ в Казанской губернии. Живущие на правом берегу Волги называются *Sanagornya*, на левом — *Lugowija*; не имеют никаких идолов из дерева и камня, но обращают свои мольбы к небу и большим деревьям, которые они почитают и под которыми они приносят жертвы и держат свои собрания. От скотины во время жертвоприношения они вешают кожу и кости на эти самые священные деревья и оставляют их гнить (*verfaulen*) в жертву воздуху. У них нет ни книг, ни письма, но когда их об этих вещах спрашивают, они отвечают, что в старину они у них были, но большая корова съела их книги. Их язык похож на финский, но смешан с татарским и русским. На своем языке они называют себя *More* или *Märe*. Я думаю, что *Iohannes Magnus* их имеет в виду, когда по *Иорнанду* сообщает, что гунны произошли от одного рода духов — *Polter*, называвшихся *Märe* или *More* [Jbid., p. 346 — 347]. Они думают, что их бог Юмала вечен и всемогущ. При этом они не желают, чтобы он был почитаем под каким-нибудь образом или подобием. Когда они чего-нибудь хотят испросить от этого Юмалы в нужде, то приносят ему жертву следующим образом: бросают хлеб и мясо в огонь с пожеланием, чтобы такой дым был приятен богу, и при этом кричат: «*Jamala Sarlaga*» (2): т[о] е[сть] «Господи, помилуй нас». Они почитают пятницу больше других дней, не имеют церквей и совершают богослужение под зелеными деревьями.

*Чуваши*. Языческий народ в России. Они погребают своих умерших в пустынных и диких местах, обертывают трупы в тонкий войлок, делают яму, кладут на дно доски, на них перину или ковер и на это труп, который потом с боков и сверху обкладывают досками и сверху засыпают землей. В октябре месяце у них бывает большой праздник, к которому они варят пиво и пьют тогда в особицу за здоровье царя. Они жертвуют своему богу Тору все первородное от плодов, но в особенности пекут известный хлеб, который ему предлагают. Замечательно, что лошади у них находятся в такой чести, что они не употребляют их кожи ни на что другое, как на подвешение к деревьям. Они немного лучше черемисов, потому что знают кое-что о Христе, но у них в употреблении полигамия. Их женщины по костюму мало отличаются от мужчин — разве только тем, что их одежда по краям вышита разноцветным шелком. Чувашские дома, или *Rahten*, обращены дверьми к югу.

*Печатается по изданию:*

*Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Император. Казан. ун-те. 1893. Т. II, вып. 3*

Они [мордва] располагают двери своих домов, подобно чувашам, против юга, чтобы их молитва достигала солнца, очаг в доме слева от северной стены... Они, мордва, приносят в жертву богу по имени *Jumischipas* (который равнозначен с богом *Jumala*) быков, просят его при этом обо всем, что им необходимо. Они не вешают на деревья кож жертвенных коней, как черемисы, не едят также конины, подобно христианам, и свинины, подобно выделяющимся в Русском государстве иудеям.

*Печатается по изданию:*

*Юрчёнков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. зап.-европ. авт. VI — XVIII столетий. Саранск, 1995*



Белл Джон (1691, поместье Антермони, Шотландия — 1780, там же), врач

## ДЖОН БЕЛЛ

### БЕЛЕВЫ ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АЗИАТСКІЕ ЗЕМЛИ, А ИМЕННО: В ИСПАГАН, В ПЕКИН, В ДЕРБЕНТ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

<...>

Казань прежде сего была столицей некоторой части Татарии, пребывалищем правительства и жилищем царей. В 1552 году взял ее у татар приступом царь Иван Васильевич, и сие завоевание отворило ему дверь к завоеванию всей полуденной страны. Побежденные им татарские государи, когда приняли христианскую веру, получили себе от него поместья, коими и поныне владеют их потомки.

Окрестная страна сего города весьма плодородна; производит она пшеницу, сарацинское пшено, рожь, овес и другие многие полевые плоды. Находящиеся на полдень и запад леса столько изобилуют дубами, что можно б из них построить для всего света корабли...

<...> Кроме идолопоклонствующих татар... находятся два многочисленных народа, из коих один называется чувашский, а другой — черемисский. Язык их совершенно различен от языка мухамеданских татар, у которых он состоит из испорченного арабского наречия. <...>

Случай свел меня в сем городе с некоторым англичанином, который был принят в российскую службу плотником. Получили на него подозрение, что он хочет убежать, и для того сослали его на некоторое время в Казань, но сей бедняк, не имея средства оттуда возвратиться, принужден был остаться в сем городе и женился на черемисянке, за которую заплатил он отцу ее 6 рублей. Он мне показал ее; она была весьма изрядного лица и вид имела откровенный; была она одета по обыкновению той страны, а сие обыкновение столь отменно, что не неуютно будет читателю об оном узнать.

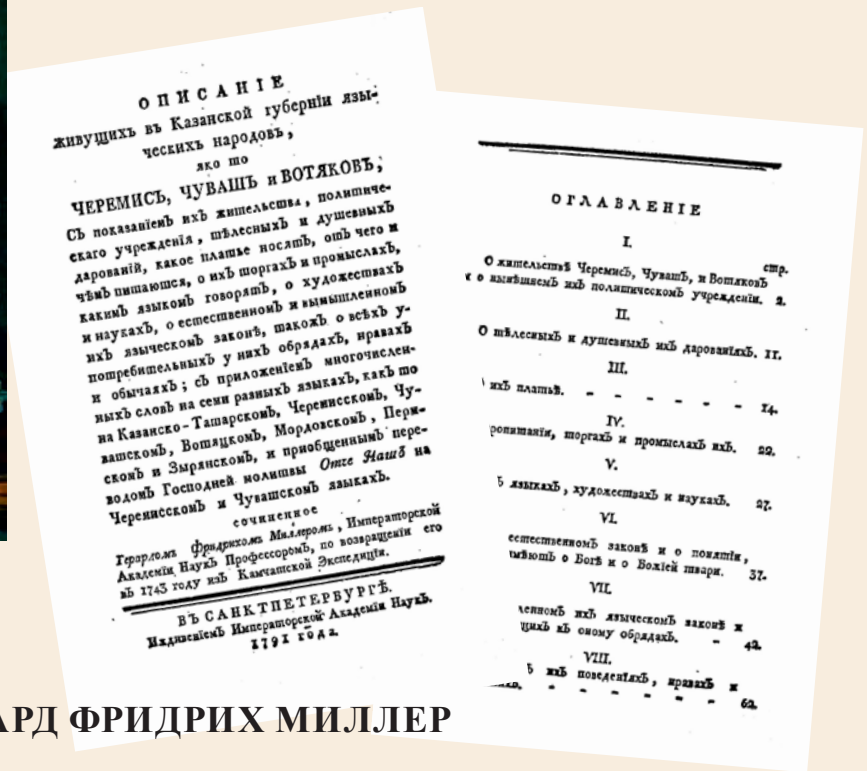
Волосы у нее были заплетены вокруг всей головы, но задняя ее коса была длиннее всех прочих и оканчивалась шелковой красной кистью, посередине коей висел маленький медный колокольчик. Голова ее покрыта была сеткой, обнизанной змеиными головками, и обвешана малыми серебряными монетами, что у нее заменяло место алмазов. Сверх сей сетки возвышался на голове ее теремок из кисеи, наподобие гренадерской шапки, и оканчивался шелковой кистью с колокольчиком, который звенел всякий раз, когда она ни повертывала голову. Остальное ее одеяние было весьма опрятно и красиво и очень мне понравилось.

*Печатается по изданию:  
Белевы путешествия... / пер. с фр. М. Попова.  
СПб., 1776. Ч. 1*



Э. В. Козлов. Портрет Герхарда Фридриха Миллера

Миллер Герхард Фридрих (7(18).10.1705, г. Херфорд, герцогство Вестфалия — 11(22).10.1783, г. Москва), историк, географ, этнограф



## ГЕРХАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР

### ОПИСАНИЕ ЖИВУЩИХ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ЯЗЫЧЕСКИХ НАРОДОВ, ЯКО ТО ЧЕРЕМИС[ОВ], ЧУВАШ[ЕЙ] И ВОТЯКОВ...

<...> ...Во всех помянутых трех народах (черемисов, чувашей, вотяков. — *Сост.*) мужской пол носит платье почти одинаковое, наподобие того, какое у русских мужиков бывает; одни только черемисы в том разнятся, что праздничные их кафтаны вверху около шеи бывают с воротником, который назади на четверть аршина вниз висит, и что кафтаны снизу по обеим сторонам до пояса прорезные. В женском платье есть большая разность, чего ради за потребно рассуждено, дабы их праздничную одежду с платьем кунгурских и уфимских татар, с оногo платья снять рисунки.

Во-первых, платье можно различить по летам мужского и женского пола. Старухи и вдовы весьма редко в уборном платье ходят, а девки носят убору больше; более же всех замужние жены; при том же примечать надлежит разность между повседневным и праздничным платьем.

Замужние женщины носят платье различное по местам жительства их: те, которые живут между Вяткой и Камой, також и в Кунгурском уезде, носят платье такое как на рисунках... а которые жилища свои имеют на запад от Вятки к Волге, в оногo по большей части сходятствуют с чувашами; живущие же в Кузмодемьянском дистрикте от чуваш[ей] ничем не разнятся. Чувашские женщины, сколько мне известно, носят одинаковое платье... В таком же платье ходят и вотячки... ..платья кунгурских и уфимских татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окой и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами, и с оногo приказал я снять рисунки.

У черемисок примечания достойнейший есть безмерно высокий головной убор, о котором упоминает и Олеарий. Голову сперва повязывают они двумя повязками, из которых одну завязывают под горлом, а другую — с волосами на затылке. Обе бывают украшены набором из серебряных копеек и мелких корольков. Сверх сего накладывается у них бересто наподобие стакана, которое покрывается холстиной, или кожей, и спереди укладывается шелехами, серебряными



Изображение костюмов из книги «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» Г. Ф. Миллера

копейками и висячими корольками, а сзади украшается копейками и шелковой, или нитяной, бахромой. С сего головного убора вниз висит широкая лопасть по спине, которая также выкладена бывает копейками и корольками. К сей лопасти прививаются волосы, которые связываются одной из вышеупомянутых на затылке повязкой. Такой головной убор называется у них *шурк*. Некоторые привешивают еще раковины, а убогие женки вместо серебряных копеек носят оловянные бляшки, величиной и видом похожие на серебряные копейки. В ушах носят они кольца с висячими корольками.

Те, которые таких высоких шапок не имеют, носят повязки, или начолыши, с пришитыми поперек их также серебряными копейками, шелехами, корольками мелкими, фарфоровыми штучками и проч[им]. Помянутой повязкой на затылке завязываются вместе и волосы, а при том висят вниз по спине лопасти с таким же набором, что у них все *ошпу* называется. На половине головы до затылка, кроме вышепоказанного убора, носят они еще повязки холстяные, вышитые разноцветными нитками, а сверху оных повязок почти до затылка покрываются платком и завязывают оной под горлом, и оный вышит таким же образом и называется по их *шерпа*. В ушах носят они сквозь продетые медные проволоки, не так, как кольца, но наподобие полукружия ободом с хорошиим палец. Я видел такой убор у черемисских женок в Казани, но с оного снять рисунок за потребное не рассудил потому, что оное платье с чувашским сходствует.

При праздничном и повседневном уборе носят рубахи из самого толстого холста, которые по подолу также вышиты, а на воротах против груди застегиваются большой медной запонкой. На сей запонке у некоторых привешивается широкий ремень, с висячими на нитках большими корольками, длиной на палец, и притом внизу украшен бывает фарфоровыми кусочками. Такие ремни с корольками называются *шуркама*. Под рубашкой носят они порты. По рубашке подпоясываются поясом, к которому назади прививаются заплетенные головные волосы. Между Вяткой и Волгой живущие черемисские жены носят на поясах также и крупные разноцветные корольки с привешенными по разным местам круглыми медными бляшками, а при том и с кистями нитяными, которые висят до колена. Сей убор называют они *иленем*. Также носят они на поясе по левую сторону нож в ножнах, а при том в продолговатом небольшом мешочке и деньги свои или нечто по их обыкновению драгоценное, что им беречь хочется. Когда они куда выходят, то сверх своего женского платья надевают еще мужской кафтан, а зимой шубу; обувь же носят по обыкновению русских крестьян, онучи и лапти.



Чувашские женщины носят головной убор, что надлежит до волос, повязок и спинного украшения, такой же, какой черемисские носят другого рода платье. Повязки с лопастями, висячими по спине, называются у них *тастар* и *кошна*. В праздничные дни или когда сряжаются в гости идти, надевают они с правого плеча на левое особливый ремень или широкую перевязку, из шнурков сплетенную, которая спереди и сзади так же, как и повязка, выстрочена бывает, и сей ремень называют они *девет*. Рубашки и прочее платье носят такое же, как черемиски.

У вотяцких баб в платье разность наипаче есть в том, что некоторые к повязкам берестяным, которые какой-нибудь истканью обложены и часто упоминаемыми мелочьюми убраны, привешивают над глазами еще корольки; в прочем же все носят на голове от одного уха к другому бересто, какой-нибудь истканью покрытое, вышиной в четверть аршина. Сверх сего покрываются платком четверугольным, которого один конец висит спереди, другой сзади, а прочие два по плечам. Сей платок не только по краям разноцветными нитками выстрочен бывает, но еще и с бахромой, и издали много походит на прежние фонтанжи европейских наших женщин. Такой головной убор называется у них *айшон*. Удивления достойно, когда случится ночью поздно проезжему к вотякам заехать, ибо как их жены, пробудившись от сна, с печи долой полезут, то они в своем уборе весьма странны покажутся, что мне неоднократно случалось видеть. Они весьма скоро умеют убирать свои головы. Волосы заплетают в косу, которую с косником, убранным копейками и корольками, к поясу привязывают. На руках многие носят зарукавья корольковые, как татарки. Рубашки бывают у них такие же, какие у черемисок и у чувашек. Сверх оных носят они еще особое платье, которое снизу доверху прорезано, а рукава по польскому обыкновению с плеч висячие, в которые рук не вздевают. Вообще говоря, платье вотяцких баб не таково хорошо, чисто и дорого, как у прочих тамошних народов.

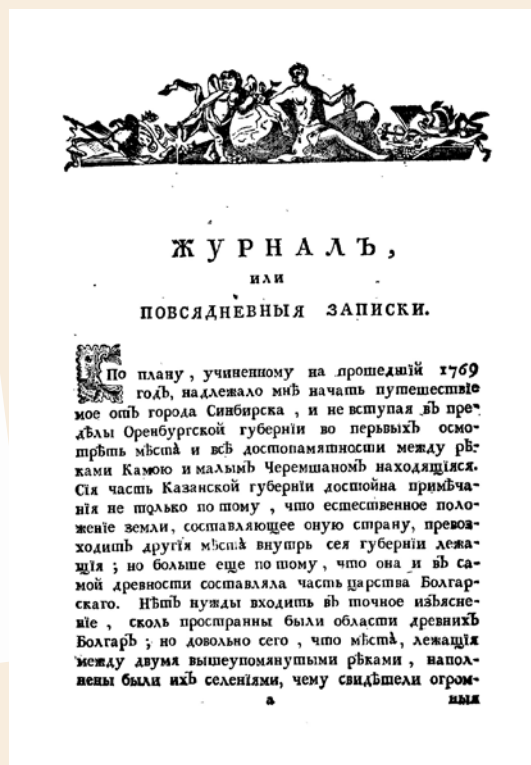
У всех трех вышепоказанных народов девки от баб в платье разнятся тем, что они на головах носят особливый убор, також не смеют надевать черемисские *шурк* и *ошпу*, чувашские *тастар* и *кошна*, а вотяцкие *айшоны*; но вместо того носят на головах чепцы, серебряными копейками или таковыми ж оловянными бляшками укладенные, как то обыкновенно у черемис[ов] и у вотяков бывает, или покрываются только выстроченными платками, как у чуваш[ей] носят. Женский убор надевают на девок при свадьбах в церемонии. Все вышеупомянутые народы больше синий и красный цвет в платье любят.

*Печатается по изданию:  
Описание живущих в Казанской губернии  
языческих народов... СПб., 1791*



Памятник путешественникам, картографам и первопроходцам Сибири. г. Ханты-Мансийск

Рычков Николай Петрович (1746 — 1784),  
русский путешественник и географ



## НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РЫЧКОВ

### ЖУРНАЛ, ИЛИ ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА РЫЧКОВА ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, 1769 И 1770 ГОДУ

<...>

#### О свадьбах вотятских

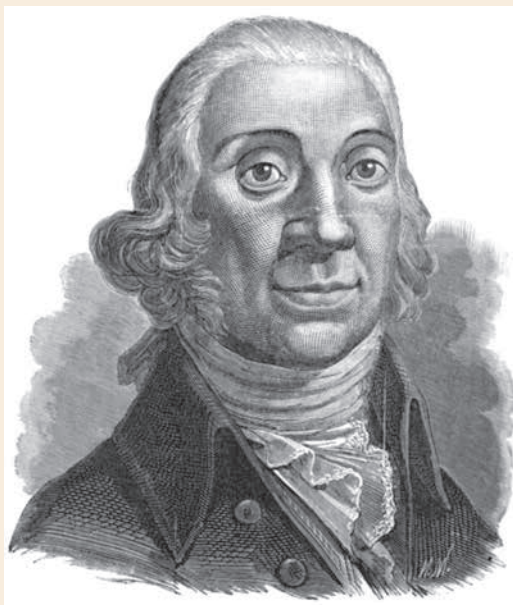
Не знаю, древнее ли обыкновение вотяков брать жен за некоторый род за платы, называемой *калымом*, или татары, завоевавшие все области древних жителей сей страны, были причиной, что ими покоренные народы приняли от них сие обыкновение? Вотяки, последуя примеру своих предков, сватают девиц по договору, сколь много надобно за нее дать калыма. Когда договор за платы кончится, то жених берет невесту в свой дом и целую неделю пользуется ее приятностями, но по прошествии сего времени отец невестин, приехав к своему зятю, берет ее обратно и целый год держит в доме своем так крепко, что она не может иметь никакого свидания с назначенным ей женихом. В сей год жених печется, дабы заплатить потребное число калыма, а невеста, с своей стороны, оказывает последние услуги своим родителям. Но как все уже будет готово, то, сделав все нужное к свадебным обрядам, делают пир, и посреди собравшихся гостей отец жениху вручает свою дочь. Пьянство и грубые песни, со звоном волынок, гудков и гусель устроенные, составляют лучшее веселие пирующих в день новобрачных.

#### О погребениях вотятских

Вотяки хоронят своих умерших так точно, как бы они за верное знали, что они в час смерти своей вступают в другую жизнь. Они кладут с ним топор, ножик, чашку, ложку, котел, кочетык,



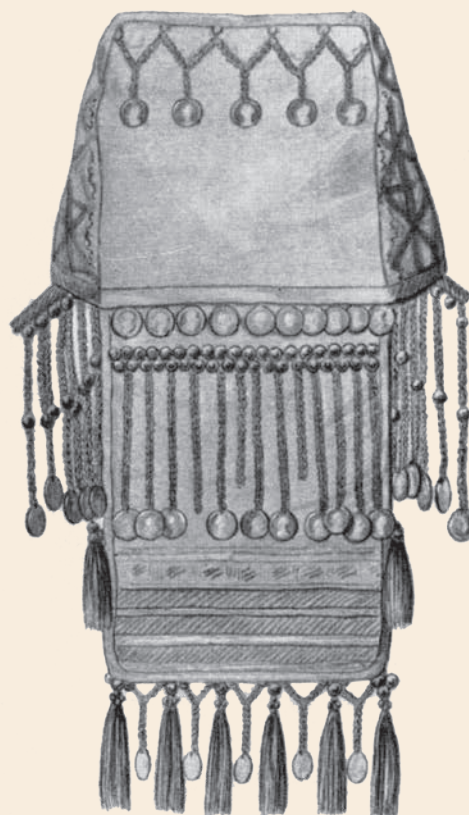
Паллас Петр Симеон (Симон) (22.09.1741, г. Берлин, Германия — 8.09.1811, там же), ученый-энциклопедист, естествоиспытатель



Паллас Петр Симеон  
Гравюра К.-Г.-Х. Гейслера. 1802 г.



Женские рубаха и головной убор XVIII в.  
Из коллекции П. С. Палласа



Одежда мордвы-мокши XVIII в.  
Иллюстрация к книге П. С. Палласа



Одежда мордвы-эрзи XVIII в. Иллюстрация к книге П. С. Палласа

## ПЕТР СИМЕОН ПАЛЛАС

### ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<...>

...Мне надлежало ехать вверх по Пьяной; и так продолжал я путь свой к большому, мордвой и россиянами населенному господскому селу *Пилокшову*. Тамошние мордвинцы живут, отделясь в хижинах, на правом берегу реки, и немного уже осталось у них старинных обрядов, ибо они почти все обращены в христианскую веру, и кроме старинного своего языка и отменного женского убранства, почти ни в чем не разнятся от российского народа.

Одеяние мордвинских жен состоит в высокой набитой и пестро вышитой шапке, у которой назади привешены малые цепочки, небольшая лопасть и балаболочки, также в холстинной рубахе и в нижней одежде, которую они по своему вкусу вышивают синей и красной шерстяной пряжей. При том носят они обыкновенно пояс, у которого назади висит к низу разделенная, разноцветной шерстяной пряжей вышитая, бахромой, пронизками и гремушками или балаболочками обвешанная кожа. Если они хотят нарядиться в праздник, то, кроме того, еще привешивают к поясу спереди и по сторонам всякие пестро вышитые и бахромой обложенные лоскутья. Тогда же надевают они гораздо больше и красивее вышитые рубахи; а к совершенному их убранству принадлежит широкое холщевое верхнее одеяние с короткими, но в пол-аршина широкими рукавами, которое по большей части бывает у них желтое. Обыкновенную верхнюю рубаху застегивают на шее малой, а на груди большой пряжкой, на которой висит столь тяжелая сетка из пронизок и медных пуговиц; и, сверх того, столь много малых цепочек с шелехами, малыми колокольчиками и с другими гремушками, что все мордвинское праздничное одеяние по крайней мере не легче конских шор. Серьги носят они по всякий день. Но отменные кольца, которых по два или по три надевают на руку и которые обыкновенно употребляются в Индии, носят они только с праздничным одеянием.

У девиц на одеянии гораздо меньше гремушек, а впрочем ничем не разнятся их одежда, только что не носят женских шапок. Ныне многие из них по российскому обыкновению плетут косу с лентами и косником. Но по старинному обычаю плели из волос на затылке по восьми и девяти

малым, а на обеих сторонах позади ушей по одной большой косе, и в сии две косы втыкали поперец спицы с шелехами и другими гремушками; а в каждой косе был вплетен шерстяной длинный шнурок и заткнут за пояс. Потом видел я на Волге, что мордвинские жены заплетали свои волосы с черной овечьей шерстью в широкую, до колен простирающуюся косу.

Хотя мордвинцы, особливо ерзанского колена, коих одеяние здесь я описывал, почти самые неопрятные из всех Российской державе подданных народов, однако, должно им приписать похвалу, что они рачительные пахари и почти российских мужиков в том превосходят. Они же обыкновенно имеют пчельники и столько оных содержат, сколько им возможно и время к тому допускает. Живущие в лесистых странах, ходят зимой и на звериные промыслы и не пропускают никакого случая, при котором можно получить себе прибыль.

<...> Саранск — место незнатное, в котором кроме немногих ремесленных и торговых людей живут пахари. Канцелярия и уезд подсудны Поезинской (Пензенской. — *Сост.*) провинции и, следовательно, благословенной Казанской губернии. В Саранске, так как и во всех малых городах внутри государства, много таких женщин, которые шерстяную материю красят всякими домашними травами и обыкновенно в сем деле превосходят деревенских красильщиков.

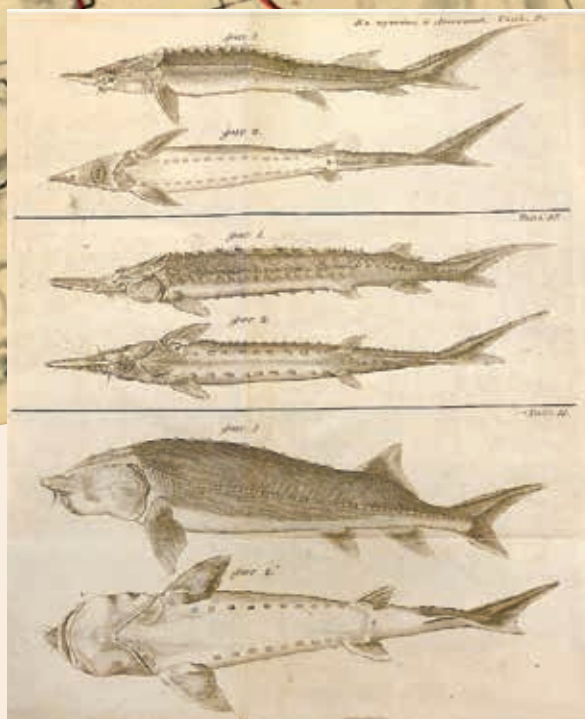
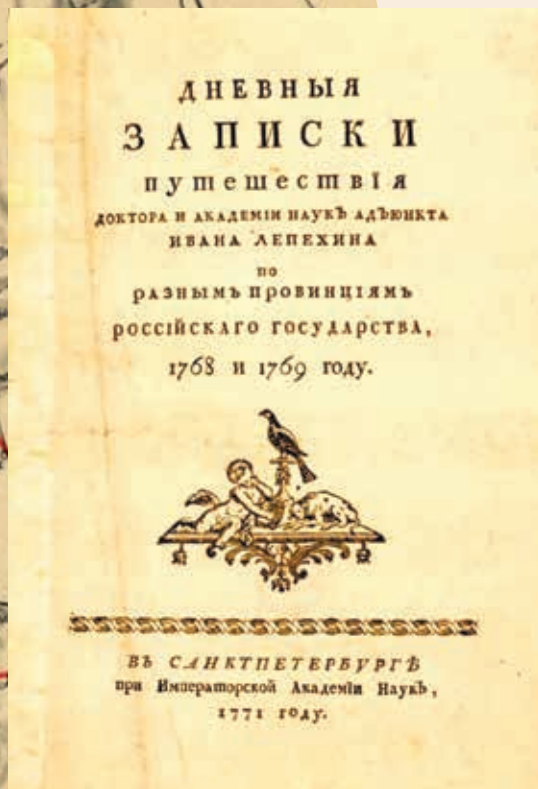
Публикуется по изданию:  
Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям  
Российской империи. СПб., 1809



Маршрут экспедиционного отряда П. С. Палласа (1793 — 1794 гг.)  
(URL: <https://www.ras.ru/lomoexpedition/fee00973-553b-41e6-a86d-c28b8b1f666d.aspx?hidetoc=0>)



Лепёхин Иван Иванович (10.09.1740, г. Санкт-Петербург — 06.04.1802, там же), ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, лингвист, путешественник



## ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЕПЁХИН

### ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА И АКАДЕМИИ НАУК АДЪЮНКТА ИВАНА ЛЕПЁХИНА ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, 1768 И 1769 ГОДУ

<...>

Мордва разделяется собственно на два колена, из которых первое называется мокшанским, а другое эрзянским (эрзянским. — *Сост.*), но и в мокшанах есть некоторое различие. Одни называются коренными, или высокими, мокшанами, а других почитают простыми мокшанами, и вся разность состоит в некоторых наречиях. Они еще сказывали нам о четвертом роде мордвы, которых *каратаями* называют и которых только три деревни в Казанском уезде находятся. В мокшанском и эрзянском языке была прежде великая разность, но по переселении их из коренной отчины, то есть к Волге и за Волгу, и по смешении между собой друг от друга разумеют, сохранив при том в своих языках и разность. О происхождении своем и разности между мокшанами и эрзянами, за незнанием никаких писмен, нимало доказать не могут, но из предания говорят, что мокшанский корень происходит из города Темникова, неподалеку от Коломны, где и ныне ходят еще по древнему обыкновению, а эрзянский — от Алатырского и Пензенского уездов. Нам так было сказано, хотя вероятнее производить наоборот, потому что в Пензенской провинции и ныне находится город, по имени их *Мокшайск* называемый. Трудолюбивый г[осподин] статский советник Петр Иванович Рычков далее проник в их древность: итак, могут об одной читать в первой части его Оренбургской топографии, на страницах 180 и 181. Разность двух мордовских поколений видна и из того, что до крещения их не дозволялось мокшанам брать эрзянок, а эрзянам мокшанок, но всяк довольствовался своей породой.

В женском платье между мокшанами и эрзянами есть также немалая разность. Эрзянки ходят только в портах — *понкс*, рубахах — *панар*, и в долорукавных распашных балахонах без боров, называемых по-эрзянски *шуптан*, по-мокшански *руця*. Воротник и около груди, также наплечник вышивают узорами разноцветной шерсти, как-то: синей, зеленой, красной и черной, а края пол обрubaют красной тесьмой.

Девки носят *борок*, перла от шеи до груди, нанизанные на нитках, как у ижорок, состоящие из пронизок разного цвета, к которым привешивают старинные серебряные деньги, медные шиллинги и гремушки. Напротив того, мокшанки вместо перл носят холщовый четверугольный нагрудник, стирающийся вдоль от шеи до груди, унизанный разноцветным бисером и ушовками. Шею украшают ожерельем *карча*, а к ожерелью прикрепляют брыжи *каргаужна*, которые бывают меньше нагрудника, унизанные старинными серебряными копейками, медными шиллингами, разноцветным бисером и ушовками. Но как их балахон *руця*, *шуптан* очень узок и облепист, то для большей благопристойности надевают черный шерстяной назадник — *сюрлак*. Назадник в употреблении как у эрзянок, так и у мокшанок, с той только разностью, что у мокшанок состоит из многих кос, сплетенных в 11 пясем (пучков; устар. — *Сост.*), и привязываются к шее так, чтобы природные ее волосы были закрыты, и опускается даже до подколенок. Кроме пясем, по бокам привешивают деревянную, медной проволокой обвитую трубку — *пулукерь*, в которую продевают метелку — *пула*, сделанную из длинных человеческих волос, равной длины с назадником. Напротив того, эрзянки назадник свой прикрепляют к поясу, которым подпоясывают шуптан, а на бедрах висит у них *гис*, или медными трубочками увитая шерстяная пряжа с продолговатой на конце кистью. Рубашки как эрзянки, так и мокшанки застегивают круглой со спеньком (шипом; устар. — *Сост.*) пряжкой, которую эрзянки *сюгама* (сюлгамо. — *Сост.*), а мокшанки *шурка* называют. В ушах носят большие серьги — *пилекс*, с которыми эрзянки продевают разные кольца и называют *пилекс каряукс*. От серег попускают подвески, долгие нитки с бисером и другим здором, которые досягают до плеч и называются у обоих *пилекс ергя*, а чтобы они силь-



но ушей не оттягивали, не в мочку продевают, но около ушка вешают на нитке. Мокшанки, сверх сего, продевают в мочки лебязьи с пухом гузки, а иногда и других птиц. На руках носят поручи из бисера и извитую наподобие спиральной линии медную жезь, по-мордовски *кекс* называемую. Пальцы эрзянки украшают перстнями, и богатые такие на них щеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют, из которых на лучших перстнях прикрепляют цепочки с серебряными деньгами, а убогие — с медными. На голове носят сороку холщовую, ушитую по лопастям узорами разноцветной шерсти, а девки обвязывают голову полотенцем или лентой, какую у нас употребляют крестьянские девушки, и носят косу. Обувь их состоит по большей части из лаптей — *карь*, несколько от русских отменных, ибо лапотная голова сведена остроконечной шишкой, наподобие той, какую московские щипошники у носков на башмаках любили. Оборы *карьк[с]* носят ременные, и так часто и гладко оными увивают свои онучи [по-эрзянски *практа*, а по-мокшански *серьга*], что их совсем видеть не можно.

Чуваши также имеют различие в языке, а от чего сия разность, совсем не знают, и кроме того, жилища, откуда их отцы переселились, ничего не помнят. Чебоксарские чуваши не понимают пензенских и обратно.

Женский их убор много схож с мордовским, но самая большая разность состоит в головном уборе. Девицы, замужние и старухи заплетают косы, которых толщину увеличивают прививанием черных шерстяных шнурков, и на конце привешивают косник, то есть кисть, смотря по достатку: или бисерную, или шелковую. На голове носят колпак бестулейный, униженный старинными серебряными копейками, от затылка которого опускается лопасть, шириной с небольшим в четверть, а длиной до самых подколенок. Лопасть унижается разноцветным бисером, ужовками и гремушками, и весь сей убор называется *кашпау*. Остальное от кашпау на голове место обвязывают белым полотенцем, на котором вышиты узоры шерстью, и называется *тастар*. Сие их убранство кажется им не сродное, но они переняли у татарок. Девицы носят на голове колпак бисерный, только без лопастей, и тем от замужних разнятся. Впрочем как девки, так и замужние ходят в портах без ширинки.

Татарки ходят в балахонах наподобие халатов и делают их по большей части из китайки, а богатые — из разных шелковых материй и называют их *чилян*. Под сим носят бешмет, рубахи и порты их от русских не разнятся. Как девицы, так и замужние носят по две косы сзади с косниками. Головной их будничной убор состоит в косынке, которой концы опускают назад *ирняк* или из долгого полотенца *тастар*. Праздничной же, напротив того, из шапки *кашпау*, которая унижена серебряными копейками, а передняя часть — корольками красными *мерзьян* и белым бисером *куза*. У иных кашпау сводится вверху остроконечием наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, кашпау бывает без тульи (верхней части; спец. — *Сост.*), и в таком случае верх головы повязывают платком. Около висков прикрепляется к кашпау подвязка, таким же образом униженная, которая под шейю застегивается пуговицей и называется *кашпау сакал*. С подвязкой соединено бывает ожерелье такого же убора — *кашпау кайрюк*. Сзади от кашпау попускают лопасть до пояса, также униженную серебряными деньгами, а от пояса продолжается на такое же расстояние лопасть, вышитая разноцветным гарусом или шелком, или уложена суконными кусками, как-то: белым, красным и зеленым с привешенными на конце разноцветными кистями. Девки разнятся от замужних единственно в головном уборе и в будничные дни ходят покрывшись платком, которого два противлежащих конца завязывают назад, а остальную часть пропускают по спине. Праздничная их шапка называется *чигача* и состоит только из двух косых треугольников, которых основание прикрепляется на тесьму, сшитую в кольцо по обширности головы той, которая чигача носит. Треугольники покрывают уши и щеки и верхами своими соединяются под челюстями, где их застегивают крючками или завязкой. К чигача по обе стороны прикрепляются *сарга*, то есть узенькие лопасти, длиной не с большим в четверть, и попускают спереди почти до груди. Как чигача, так и сарга унижаются серебряными копейками, гривенниками и полуполтинниками. Сзади у девиц лопасти нет, но вместо оной попускают *ташпау*, то есть два долгих шнура, которые вплетают в косы, и на конце к каждому привешивают по две шелковые кисти, сделанные из крас-

ного и зеленого шелка, а в том месте, где косы соединяются, прикрепляют треугольный бантик, уложенный серебряными копейками.

Запросто бедные ходят в лаптях, а в праздничные дни в туфлях и сафьяновых чулках *ату*.

Сказав о женском платье, следует теперь мужское, но о сем говорить недолго буду. Чуваши, мордва и татары ходят так, как и русские крестьяне, с тем только различием, что у чувашей и мордвы рубахи вышиваются около ворота и по заплечнику разноцветной шерстью, а татары ходят опрятнее и в праздничные дни носят суконные разных цветов кафтаны и бешметы. Видели разность в их платье, следует сказать о[б] их вере.

Чуваши и мордва хотя просвещены святым крещением, однако между ними попадаются семьи, которые живут по старой вере, и редкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежнего их богомолья. Они избирают на такой конец место, несколько отдаленное от своего жилища в лесу, куда для тишины, а может быть, и для возбуждения потомков своих к люблению лесов, дабы тем удовлетворить их сохранению, удаляются, а не для сокрытия себя от иноверцев, как некоторые пишут, ибо кому не известно, что уже в самую глубокую древность язычники через такой набожности предмет сохраняли свои леса, посвящая их в покровительство разным, ими обожаемым. Место богомолья чуваша называют *ирзям*, а мордва — *кереметь*, и которое не иное что есть, как четвероугольная площадь, тыном или пряслами огороженная, и имеет трое ворот с востока, запада и севера. С восточной стороны вводят жертвенный свой скот, в западные ворота входят люди, а через северные приносят воду. Причины сему не знают, но говорят, что так от предков своих получили. Неподалеку от восточных ворот вкапывают три столба, из которых к одному привязывают жертвенную лошадь, к другому — быка или корову, а к третьему — овец, и называют сии столбы *тиржигать*. При западных воротах врывают еще три столба, *юба* на их языке. По введении жертвенного скота привязывают оный прежде к восточным столбам, потом закалывают при западных. По заклании жертвы кожи животных развешивают на восточных столбах, на которых кожи мелких животных исчезают, а крупных, как-то: лошадей и рогатого скота, продают и покупают на оные деньги соль для будущего богомолья. В сторону от западных ворот поставляют калду, или поветь, посередине которой врывают два столбика с поперечником, дабы удобно можно было навешивать котлы для варения закланных животных, и сие место называют у них *харай-жигать*, т[о] е[сть] кухня. У северных ворот сделан полук или широкая лавка, на которой они разрезают сваренное мясо на столько кусков, сколько богомольцев, и лавку сию называют *хума*. Когда они предпринимают свое богомолье, тогда все вообще омываются водой или в бане и надевают чистое платье. Малолетние остаются в домах, а на богомолье ходят одни пожилые обоюбого пола. Обыкновенное их богомолье отправляется по пятницам, а для какой причины, более сказать не могут, как только, что они сие установление от своих отцов получили. Сей день они уже никакой работы не отправляют, но в торжествании препровождают время. Богомольные их обряды состоят в следующем. Со всей деревни собирают солод, сырой мед и прочие надобности к варению пива и меда, и, наварив довольно количество, выносят на место богомолья. Всяк со своей стороны, смотря по достатку, на оное же место приводит лошадь, корову или овцу, или гуся, живых, но свиней никогда на мольбу не употребляют. Собравшись все вместе, *ёмзя\** или старшие из них, убивают приведенный скот на месте и, обрядив, раскладывают огонь и варят все в кашице. Сварив все, разливают по чашам кашицу и раскладывают говядину. Распорядившись, начинают молиться на восток всем миром и просят того, что кому потребно, сими словами. Мордва: *Трязя вардя Шкабас! Макст чаче сюра, калдас живота, куц семья шумара уляза, мир ингалканю монь мигак статря мясть. Аминь.* — «Вышний Боже! Дай Бог хлеба, дай Бог скотину, дай Бог ребят за скотиной ходить, был бы я здоров. Аминь». А чуваша: *Сирхах Тора!*

---

\* Через слово «ёмзя» разумеются ворожеи, которых они в особливом имеют почтении, и советы их почитают за свято. Они предвещают будущее, отправляют должность врачей и открывают прошедшие тайны. Ёмзя могут быть обоюбого пола. Так их описывают, но мне самому их видеть не случилось, ибо они с посторонними людьми неохотно вступают в разговор, но обманывают единоплеменных себе простаков.

*Амбара миндяк, ундар Бар, Акныты рам Бар, Блихиран Бар, Ачаран почаран бар, миндя килярар унда Бар, монда скирдя Бар. Аминь.* — «Помилуй Бог! Чего прошу, того дай: посеянного хлеба дай, скотины больше дай, дай Бог детей. Бог, великий Государь! Чего прошу, того дай, дай Бог больше денег. Аминь». Проговоря сие, стоят долго во всякой тишине. Потом становятся на колени и, постояв на коленях, падают 3 раза ничком на землю. Уповательно, что сие поклонение взято у татар, которые такое же в обыкновении имеют. Мольба их продолжается около 4 часов, а по окончании оной садятся за стол и по лавкам, едят и пьют, что у них было уготовано. После обеда вторично начинают молиться таким же образом через 2 часа. Оставшееся после их стола, все разделив поровну между собой, берут домой и одевают своих домашних.

Сие их общее богомолье бывает во время недорода хлеба прощением, также в изобильные годы в знак своей благодарности, когда уберутся с хлебом в ноябре месяце (который они *цюгуй* называют), во время засухи, мокроты и поветрия.

Хотя некоторые оспаривают предание господина Страленберга, якобы мордва и чуваша не в числе божества считали солнце и луну, но я у многих расспрашивал и нашел слова господина Страленберга справедливыми. Они солнце и луну не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу в начале весны, когда хлеб сеют, а луне — в новолуние, с той только разностью, что сим своим божествам не самавольную свою жертву, упитанного жеребца, приносили, но и других животных, как то: овец, гусей и проч[их] с сей молитвой:

Мордва солнцу:

*Кебеди Валюги каубапас тряда, пинда шибапас кубапас.* —  
«Вышнее солнце светит все царство, свети и нам и на наш мир».

Новолунию:

*Кебеди Валюги шибапас тряда, пинда кубапас.* —  
«Месяц светит во все царство, освещай нас и хлеб наш».

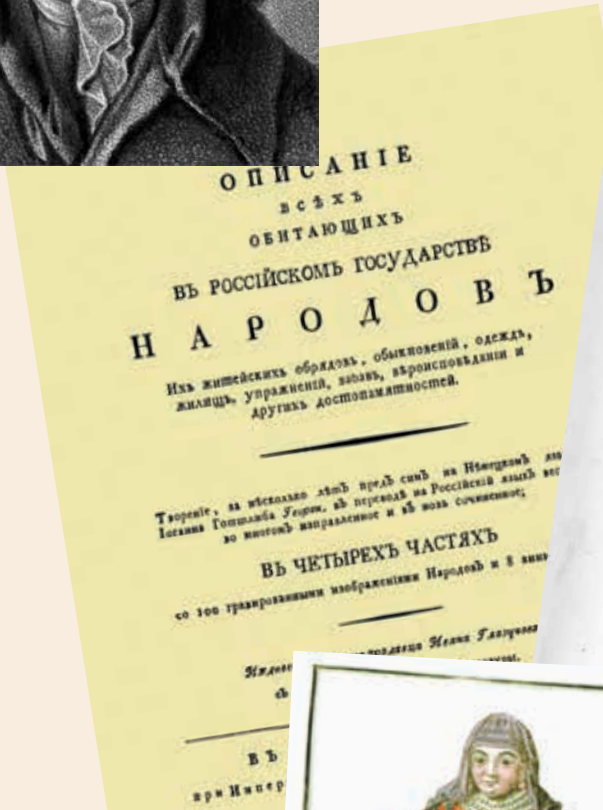
Кроме всеобщего богомолья, бывает у них частное, которое отправляется у каждого в доме.

*Печатается по изданию:  
Дневные записки путешествия доктора  
и Академии наук адъютанта  
Ивана Лепёхина по разным провинциям  
Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771*





Георги Иоганн Готлиб (31.12.1729, селение Ваххольцхаген, Померания — 27.10.1802, г. Санкт-Петербург), медик, химик, натуралист и путешественник





*Черемиска спереди.  
Eine Tcheremisinn vorwärts.  
Femme Tcheremisise par devant.*



*Черемиска сзади.  
Eine Tcheremisinn rückwärts.  
Femme Tcheremisise par derrière.*



*Черемиска въ лѣтнемъ платьѣ.  
Eine Tcheremisinn im Sommer-Kleide.  
Femme Tcheremisienne en habit d'été.*

Иллюстрации к книге И. Г. Георги

## ИОГАНН ГОТЛИБ ГЕОРГИ

### ОПИСАНИЕ ВСЕХ ОБИТАЮЩИХ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАРОДОВ: ИХ ЖИТЕЙСКИХ ОБРЯДОВ, ОБЫКНОВЕНИЙ, ОДЕЖД, ЖИЛИЩ, УПРАЖНЕНИЙ, ЗАБАВ, ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ И ДРУГИХ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ

#### Черемисы

<...> Собственное имя черемис[ов] — мари (мужчины), а чуваш[ей] — курмари (горные люди). Они живут в Казанской и Нижегородской губерниях, больше на левой, нежели на правой, стороне реки Волги. Жилища их простираются до самой Пермии, и деревни лежат отчасти особо, а отчасти смежно с чувашскими и российскими. Породы они финской и говорят своим собственным, с финским наречием сходным языком, но, за неимением букв, нет у них ни письменных, ни печатных дел. Во время господствования татар были они им подвластны и жили ближе к югу, между Волгой и Доном. Они имели собственных ханов, будучи уже и под Российской державой, но поколение оных пресеклось на Адае, весьма приверженном и покорном российскому престолу, храбром владетеле, и теперь нет у них ни князей, ни дворян. Они упражнялись тогда в скотоводстве, но мало-помалу сделались, подражая россиянам и по причине стеснения мест, землепашцами.

<...> В городах они никогда не живут. В деревнях же их, в коих бывает дворов до 30, имеют они, подобно россиянам, миром выбранных сотников, десятников и старост. Каждый двор состоит из одной, особо построенной черной избы, из стоящих розно хлевов и из небольших, на невысоких столбах сгромощенных (настроенных; устар. — *Сост.*) кладовых, кои служат им и летними горницами. Все сие строение выведено четырехугольником и срублено из бревен, а промежутки между оным ничем не забираются. Черные избы подняты на сажень выше подполья, лестницы у них покрыты, а внутри, кроме русских печей, поделаны очаги и широкие татарские полати.

Двери у сих изб низкие, а окном служит четырехугольное, дюйма на полтора в размере, отверстие, которое пузырем или тряпицей, вместо стекла, затягивают. Домашняя у них рухлядь такая же, какая бывает у российских сельских хозяев.

Все черемисы производят, по обыкновению российских мужиков, землепашество. Держащиеся языческого суеверия отнюдь не хотят есть свинины, да и из крестившихся редко кто разрешает совесть свою от уз сего предубеждения. В зимнее время составляет звериная ловля главное их упражнение. Они несмелы и нехитры, а потому и незажиточны. Кто, например, имеет лошадей до 30 и столько же рогатого скота, да, сверх того, немного побольше овец, тот почитается у них не последним богачом. Женщины прядут, ткнут, портничают (занимаются шитьем; устар. — *Сост.*), вышивают холстинное одеяние шерстью собственного своего крашения и проч[ее]. Но чистоты в рассуждении одежды и пищи не увидишь ни в котором дворе. Исповедующие древнюю свою языческую веру черемисы жрут лошадей, медведей, всяких пернатых, а в случае нужды и хищных зверей, но падальщины, какая бы она ни была, гнушаются. Как в домашнем, так и в лесном пчеловодстве весьма они искусны. Производят также и рыбную ловлю охотно, но к ремесленным работам, к коим российские мужики великую имеют склонность, совсем не пристают. Подушный оклад платят они наряду с российскими крестьянами, ставят рекрут[ов] и подводы. В Кунгурском уезде в области Пермской подушный оклад дают некоторые деревни куницами.

### Чуваши

<...> Чуваши, которые как сами, так и от россиян сим единственно именем от мордвы же *видками*, а от черемис *курк марами* (горными людьми) называются, живут по обеим сторонам Волги, в Нижегородской и Казанской губерниях и Оренбургской области. Они и теперь еще составляют многолюдный народ, который больше, нежели с 20 000 душ, платит подать. Все почти с 1723 года крещены в греко-российскую веру, которую, можно сказать, внешне исповедуют.

Говорят они собственным, от финского произошедшим языком, но не знают ни грамоты, ни букв. Они вели кочевую жизнь и пребывали в идолопоклонстве, но теперь возлюбили все землепашество и постоянное на одном месте жительство. Однако живут не в городах, но в деревушках, которые, ежели только можно, заводят в лесах, и хотя они очень много язык свой смешали с татарским, однако ж, при всем том прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия удержали.

Иллюстрации к книге И. Г. Георги



Чувашианка спреде.  
Eine Tschuwaschin vorwärts.  
Une Tchouwachaine par devant.



Чувашианка въ летнемъ платьѣ.  
Eine Tschuwaschin im Sommer-Kleide.  
Une Tchouwache en habit d'été.



Мордовина съ лица.  
Eine Morduanerin vorwärts.  
Feme Morduane par devant.

Зима да лето составляют их год, начинающийся с нашим ноябрем месяцем. Годов они, по порядку, не числят, а месяцы (*ойх*) считают. *Чук ойх*, жертвенный месяц, есть наш ноябрь и проч[ее]. Неделя начинается у них с пятницы (*ама*), которая есть притом и день их отдохновения, а среду называют кровавым днем (*ионкон*).

Они весьма походят на черемисов по телесному виду, по нравственным качествам, по расположению деревень, по сельским распорядкам, по состоянию жилищ, по употребляемой ими в домашнем своем быту утвари, по расположению хозяйства и жизни, по пище, имению и податям, также по мужским и женским упражнениям. Лицом они, по большей части, бледны, неповоротливее... черемис, да и около себя они неопрятнее, и в избирании пищи и приготовлении не рачительнее черемис. Пребывающие в языческом суеверии чуваша гнушаются свининой, и сие переняли они от татар; напротив того, хищных зверей, а в случае недостатка и падальщину, едят без разбора. Бешеную рыбицу (*Clupea Alofa*. L.), которую россияне не едят, покупают чуваша, называя оную *гемир полою*, сиречь железной рыбой, очень дешево и употребляют в пищу свежую, в воде сваря или провялив.

К звериной ловле крайне они пристрастны и употребляют теперь больше винтовки, нежели лук и стрелы».

## Мордва

<...> Народ сей живет поблизости рек Оки и Волги в Нижегородской губернии и частью в Оренбургской области. Долго был он у татар в подданстве, однако имел собственных ханов. До распространения татарского владычества были жилища его повыше теперешних, на Волге же, около Ярославля, Костромы и Галича. А хотя народ сей и не столь многочислен, как черемисы и чуваша, однако нарочито еще знатен и непрерывно от одной переписи до другой умножается, соответственно природным российским сельским жителям.

Он разделяется на два главных колена, а именно: на мокшан, кои живут на Мокше, сообщаящей струи свои Оке выше всех других рек, и на эрзян, обитающих на Волге. Каратаи составляют еще и третье, но такое малое поколение, что в нескольких только казанских деревнях заключается. Они называются сами по поколениям своим мокшами и мокшанами, также ерзянами и ерзядами (эрзянами. — *Сост.*); россияне же нарицают их вообще мордвой, которое наименование и между самими ими неупотребительно. Дворянские их семьи давно уже перевелись.

Иллюстрации к книге И. Г. Георги



*Мордовская дѣвушка съ тыла.  
Ein Morduanisches Mädchen rückwärts.  
Fille Morduane par derrière.*



*Мордованка спереди.  
Eine Mokschanerin vorwärts.  
Une Moquechaine par devant.*



*Старуха Мордованская.  
Ein altes Weib aus Mokschan.  
Vieille femme de Moquechaine.*

Язык их, который так, как и сами они, заимствует начало свое от финнов, весьма с татарским перемешан. Ерзянское и мокшанское наречия так между собой разнятся, что походят на два отдельных языка. А хотя каждое колено и теперь еще употребляет свой язык, но они, по близкому сообщению или по взаимному смешению, свободно одни других разумеют. До распространения между ними христианской веры почиталось у них преступлением понимать (брать; устар. — *Сост.*) жену из другого колена; но ныне живут они уже больше в смешении. Однако ж всякий род держится своих старинных обычаев в рассуждении одеяния и некоторых поведений.

Мордовцы (мордва. — *Сост.*) по телесному расположению и по всему виду больше походят на россиян, нежели на черемис[ов] и чуваш[ей], да и в самом домашнем своем быту соображаются наипаче российским сельским жителям. Волосы у них, по большей части, русые и прямые, бороды жидкие, лица сухощавые, а женщины их редко бывают красивы. Впрочем, они честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны, последуют не менее перенятому от россиян, сколь и заимствованному ими от татар, в разных делах и обычаях, но не в опрятности и отвращении от свинины, которую держащиеся языческой своей веры мордовцы, коих, однако ж, теперь в остатке очень мало, едят без всякого зазрения, а, напротив того, оставшиеся в языческом суеверии чуваша и другие народы почитают оную поганой пищей.

С того времени, как стали они Российской державе подвластны, упражняются все в земледелии, но живут не в городах, а в деревушках, подобных черемисским и чувашским, и весьма охотно строят жилища свои в лесах. Дворы, земледелие, небольшое скотоводство, домашняя рухлядь, пища и все вообще расположение их хозяйства нимало от черемисского и чувашского не разнятся. По большей части бывают и у их дворов такие же, как и у тех, огородцы, в коих сажают про себя обыкновенную поваренную зелень. Но к звериному промыслу не столько они прилепляются, как помянутые народы. Мордовки упражняются равномерно в таких же делах, как черемисские и чувашские женщины, и притом подобны им в прилежании и искусстве. Народ сей несет равную с соседями своими гражданскую тягость, да и в самом поведении им сообразен. Мокшаны живут в привольных к лесному пчеловодству местах, есть также между ними действительно и такие пчелы, кои имеют у себя по 100 и по 200 ульев.

## Вотяки

<...>

Вотяки, которых славяне называли *вотами*, проименованы от татар *арами*, сиречь украинцами, от чего некоторые производят и происхождение обитающего и теперь еще около реки Енисея народа, *аринцами* именуемого, который, однако ж, в древние времена имел жилища свои около Уральских гор, но перед побегом своим внутрь Сибири нарочито истреблен, как о том объявляют некоторые писатели. Собственное же вотяков название есть *уды* и *удмурты*, или *морты*, но «морт» значит вообще на языке их человека. Они живут в Казанской и Вятской губерниях и называют сию занимаемую ими страну *Кам Козин*, сиречь промеж реками лежащей землей, а именно: между Камой, которая на их языке нарицается *Будгин Кам*, и *Вяткой*, коя у них называется *Вятка Кама*.

Вотяцкий народ и ныне еще многочислен. С включением живущих в Оренбургской области вотяков считается в оном до 40 000 и более мужчин. Вотяки и теперь наблюдают старинное свое разделение на поколения, или семьи, и дают потому деревням своим названия, как, например: *Сулоннеин Балги*, то есть Сулонны от Балгского поколения; *Курак Самес*, Куракская деревня от колена Самес, и так далее. Но ханские и прочие их дворянские семьи отчасти перевелись, а отчасти вышли из чести. Они были также под татарским покровительством. А как Российской покорились державе, то, брося кочевание, принялись за спокойнейшую и безопаснейшую сельскую жизнь, причем и постоянные жилища предпочли полевым ставкам.

Роста, большая часть, среднего, худощавы, волосы у них бывают всякие, но у многих рыжие. С виду походят на финнов больше, нежели все прочие единоплеменные им народы. Впрочем, честны, миролюбивы, гостеприимчивы, трезвы, но и суеверны, к любви не страстны и просто-



сердечны. У женщин их такие чрезвычайно малые мигучие глаза, что гадко на них взглянуть, роста они малого, робки, стыдливы, а потому и целомудренны, притом же рачительны и ласковы.

Они говорят собственным, от финского происходящим языком, но нет у них теперь ни писания, ни букв. Счеты ведут они на заметках (пес), а вместо подписи употребляют заручительные знаки. Годов не считают, месяцам же дают названия от естественных приключений, так, например, март называется у них *силпрон галис*, льдоломный месяц, июнь — *вушан сира галис*, солнцестоятельный месяц, и так далее. Из недельных дней пятница (*арниа нумал*) есть день их отдохновения. Среду нарицают они кровавым днем (*вир нумал*) и ничего в оной важного не предпринимают.

Они, так же, как и черемисы, живут не в городах, но в деревнях, которые, если другие какие места покажутся им привольнейшими, и переносят. Впрочем, все сельские их распорядки, жилища, домостроительство, утварь домашняя, пища, питье, подати и все вообще их устройство такое точно, как и у вышеописанных народов. Сотники их называются *еллирами*, а старосты — *картликами*. Они больше всех народов убегают (избегают; устар. — *Сост.*) обращения с иноплеменниками и потому не любят, чтоб в смежности с деревнями их были и чужие, не дают также пришельцам в посадах своих строить дворы, да и при празднествах своих не терпят инородцев. Очень редко случается, чтоб вступило в земский суд какое ни есть вотское, по прошению, дело.

Сельское домостроительство производят они весьма рачительно, и притом упражняются как в звериной ловле, на которой луком и огнестрельными оружиями равно пользуются, так и в пчеловодстве. От скуки сидят также некоторые и за токарным делом; изделия же их составляют: чашки, ложки, веретена и другие сим подобные надобности, да они и лоск на сосуды наводят. Женщины прядут, ткут холст, делают толстые сукна, валяют войлоки, вышивают узоры и портничают. Богатых между ними мало, но, напротив того, и вовсе нет чрезвычайно бедных. У кого есть от 15 до 25 десятин земли да, сверх того, лошадей от 20 до 30 и другого скота соразмерное количество, тот занимает между богачами их первое место.

### О татарских народах вообще

<...>

В Российском государстве имеют татарские народы жилища свои на северных берегах Черного и Каспийского морей, в Таврической области на северной стороне Кавказских гор, на обширных степях от реки Урала, на восток до самой Соонгарии, на южной стороне Уральских гор, в Сибири на южных пограничных горах и степях, от Тобола до самого Енисея и за оной, и в пустынях около середины реки Лены; да, кроме того, немало есть рассеянных татарских селений между российскими жилищами, а особливо в Казанской, Оренбургской и Тобольской губерниях. Около реки Енисей есть разные остатки народа, которые по сходственности в житейских обрядах и по другим обстоятельствам причисляются, но несправедливо, к красноярским татарам. Не считая сих, которых число и невелико, татарский народ вообще может почесться, по славянах, россиянах и поляках с финнами, наимноголюднейшим во всей Российской державе.

Всеми сими странами вообще, или, по крайней мере, большей половиной оных, владеют они с того времени, как Татарское царство процветало, почему и видны у них везде приметы прежнего его величия. Повсюду почти обретаются около разоренных городков, которые ныне вообще называют россияне городищами, остатки гробниц и валов, также замков или станов, с окопами и без оных и другие древности. Многие достопамятности и теперь еще нарочито целы и знатны. В Касимове, например, при реке Оке, татарская слобода, как кажется, была двора ханского станом. Между тамошними разоренными древними строениями находится одна высокая круглая башня, молебная храмина, стены бывшего дворца и знатная на кладбище гробница, сооруженная из дикого камня и кирпича жженого. По арабской надписи видно, что опочивает тут с 962 Гегиры (по нашему летосчислению с 1520 года) страны сей хан Шахалий. Неподалеку от Кавказских гор видны еще и теперь немалые остатки славного города Маджира. У Астрахани находятся развалины древней Астрахани, а выше сего города обретаются на Волге у Царицына на левом берегу



Вотьяка.  
Eine Wotjakin.  
Feme Wotjakiene.



Татарка Казанская спереди.  
Eine Kasanische Tatarin vorwärts.  
Feme Tattare de Casan par devant.



Татарка казанская сзади.  
Eine Kasanische Tatarin rückwärts.  
Feme Tattare de Casan par derrière.

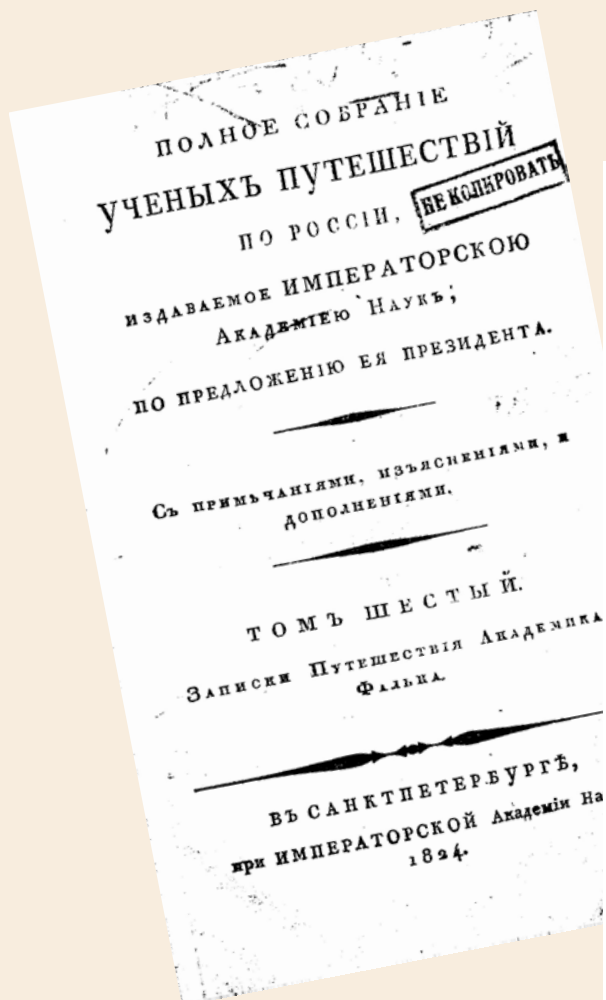
Иллюстрации к книге И. Г. Георги

реки таковые же развалины и вал обширного города. На сей же самой стороне Волги, пониже устья реки Камы, есть многие нарочито еще целые и великолепные остатки древнего города Брехимива, или Болгар, состоящие из башен, молебных храмин, домов и гробниц, и все сии строения возведены из дикого камня и кирпича. Самые древние надгробные камни лежат уже на месте более 1 100, а новейшие — около 400 лет. В сей же стране видны, при вышедшей из Волги речке Черемшанке, нарочито разоренные уже остатки знатного болгарского, а после татарского, города Булымера, на месте которого находится теперь городок *Билярск*. *Казань* имеет в крепости своей также знаки Татарского сего имени царства, а именно: высокую и так широкую стену, что служит вместо вала, башни; древний ханский дворец и другие строения, кои все в[о]зведены из дикого камня. От старинного города Казани обретаются и ныне еще немалые валы и надгробные камни выше нынешней Казани у речки Казанки. Неподалеку от Уфы есть татарские кладбища, на коих видно бесчисленное множество надгробных камней и несколько из кирпича складенных гробниц. У реки Иртыш, близ Тобольска, видны валы татарского столичного города Сибири, в Барабе, при излучине реки Омы, стоят высокие стены Тонтуры, вблизи устья реки Урала находятся окопы Сарачика, умалчивая о многих других остатках разоренных городов, находящихся в Сибири, а особливо в Киргизской степи, и о разных знатных гробницах.

Татары в рассуждении подданства своего Российской державе находятся по главным делам в таких же обстоятельствах, в каких и финские народы. Они люди вольные, никому не крепостные, и пребывают спокойно при древних своих установлениях и порядках. Начальников избирают из своих единоплеменников, и обыкновенно из дворян, которых составляют отчасти князьки, выводящие породу свою обыкновенно в прямом колене от Чингиса, Батыя и других славных татарских владельцев. Прежде платили они Российской державе столько же подати, сколько взыскивали с них старинные их ханы, но после для вящего их облегчения она уравнена и соображена со временами и их промыслами. Все вообще татары платят ныне очень малый подушный оклад, да притом еще некоторые поколения в замену одного исправляют казацкую службу, состоящие же только под покровительством России орды не платят подати и не ходят на службу.

Печатается по изданию:  
Георги И. Г. Описание всех обитающих  
в Российском государстве народов... СПб., 2007

Фальк Иоганн Петер (20.01.1732, Швеция — март 1774, г. Казань), врач, естествоиспытатель



ОГЛАВЛЕНИЕ

*Залисокъ путешествія Академика Фалька.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*Путешествіе отъ С. Петербурга до Томска.*

ГЛАВА		Стран.
I.	Отъ С. Петербурга до Новгорода	1.
II.	Отъ Новгорода до Твери	4.
III.	Отъ Твери до Москвы	8.
IV.	Отъ Москвы до Коломны	11.
V.	Обозрѣніе странъ Оки около Преслава Рязанскаго	16.
VI.	Провинція Пензенская	27.
VII.	Отъ Коломны до Новохоперской крѣпости	34.
VIII.	Страна Медвѣдицы	40.
IX.	Страна среднего Дона	48.
X.	Страна при Терекѣ	56.
XI.	Южная Куманская степь	57.
XII.	Обозрѣніе странъ по Волгѣ отъ Казани до Астрахани	98.

## ИОГАНН ПЕТЕР ФАЛЬК

### ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВІЯ АКАДЕМИКА ФАЛЬКА

<...>

...85 379 душ, записанных в подушный оклад и состоявших из градских (городских. — *Сост.*) жителей, монастырских и господских крестьян, между коими много мордовцев, а особливо мокшанцев и несколько татар. Крестьяне сего и всех прочих рязанских округов деятельны, благонаравны, хорошие хозяева и зажиточны. Здесь сеют всякий хлеб, также полбу и просо. Нивы не удобряют, но через 2 года оставляют их в пару. Обыкновенная жатва, смотря по свойству земли, приносит в четыре и шесть раз. В сем и других рязанских округах разводят очень много пеньки и льна. Женщины делают пряжу и ткут холст. Везде есть у крестьян огороды и хмельники.

Здесь также хорошее скотоводство, а особливо лошади, и по сему многие помещики имеют конские заводы. Казенный конский завод находится при Скопине. Скотоводством занимаются здесь только для земледелия. Между множеством российских или короткохвостых овец есть много долгохвостых, называемых черкасскими. Мордва и многие русские крестьяне занимаются пчеловодством.

<...>

Печатается по изданию:  
Полное собрание ученых путешествий  
по России. СПб., 1824. Т. 6



Чулков Михаил Дмитриевич (1744, г. Москва — 14.10.1792), писатель, журналист, фольклорист, историк



## МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ЧУЛКОВ

### АБЕВЕГА РУССКИХ СУЕВЕРІЙ, ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ, СВАДЕБНЫХ ПРОСТОНАРОДНЫХ ОБРЯДОВ КОЛДОВСТВА, ШЕМАНСТВА И ПРОЧ.

<...>

[О браке] У мордвы и чуваш[ей], когда отец вознамерится женить своего сына, то прежде подсылает к невестину отцу посторонних людей и спрашивает, намерен ли он отдать свою дочь за N? Когда согласный на то получит ответ, то сошедшиеся с обеих сторон отцы и матери договариваются сперва о калыме, то есть выкупе, также кому держать свадебные издержки, как то: попойку, и сколько точно, и, договорясь, напр[имер], на ведре вина, бочке пива и меда, женихов отец приготавливает по своему договору и переносит в дом невестин, кладет также калым, или выкуп, за невесту 8, 9, 10 руб. и более, смотря по состоянию обеих сторон. Приведши все сие в порядок с жениховой стороны, отец и мать просят всю невестину родню в гости в ее дом, а женихова родня при том не бывает. В оный день сошедшиеся гости пьют и веселятся, а дети нима-ло сего не знают, и таким образом сделанный договор иногда долгое продолжается время. В самый день свадьбы объявляют жениху и невесте их отцы, что у них будет сей день свадьба, и собравшиеся женихов отец с матерью ездят к невестину отцу и матери, а невеста уже тогда бывает в готовности к браку. Вся церемония их состояла в том, что невестин отец, взяв свою дочь за руку, а мать хлеб и соль, вручают ее свекру и свекрови. Невеста, поблагодарив своих родителей за все попечение и воспитание и оплавав всех своих ближних, покрывается белым холстом до пояса и

выводится из отеческого дома через своего брата до саней или телеги. Таким образом, родня с невестиной стороны, проводив ее до половины дороги, возвращается вся назад, а с половины дороги встречает родня женихова, ибо при самой свадьбе с невестиной стороны никто не бывает. Как приедут к женихову двору, тогда женихов брат или ближайший сродник берет невесту за руку, и, введши в избу, сажает за стол, потом кличут жениха, который, нахлобуча шапку, садится подле невесты. Женихов отец при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог, аршина в полтора, за конец и поднимает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: «Вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу и к размножению семьи». Потом переменяет ей свекор прежнее имя и называет *Меязва*, большая, если женится старший сын, *Сернява* — средняя, *Вежава* — меньшая, по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха, или мужа. После сего начинают пиршество, которое продолжается смотря по богатству свекра. В сем состоят все их свадебные обряды и таинства.

Случается у них, что обручение или помолвка бывает еще во время малолетства детей, когда отцы знают, что их малолетние дети и летами, и имуществом между собой равны, то во время народного сомнища меняются друг с другом рогами с табаком, говоря: «Смотрите, добрые люди, что мы между собой сватовья», — а как сие засвидетельствуют, тогда они уже и называются сватовьями до возраста своих детей. Если же по возрасту которому-нибудь из отцов бывший договор не понравится, напр[имер], если женихову отцу не понравится невеста и откажется, тогда невестин отец отдает свою дочь за другого; напротив того, если невестину отцу не понравится жених, тогда он иначе отказать не может, как заплатив от 6 до 12 руб.

<...>

У татар, по реке Черемшану живущих, когда жених или его родители где выберут невесту, то сватают через посторонних людей, и если дело пойдет на лад, то за самый первый пункт считается калым, или выкуп, и самый бедный должен платить, по крайней мере, 30 руб., а богатые — по 100, по 200 и дороже покупают себе жен. Принуждения в женитьбе у них нет, а особливо женскому полу, почему при собрании родственников и посторонних людей отец спрашивает у невесты, люб ли ей жених и охотно ли она за него идет. Согласный ее ответ решит все дело, ибо, призвав муллу, который, прочитав молитву, дозволяет невесте с женихом вместе сидеть за занавесом, а прочие пьют и веселятся. Если жених в состоянии заплатить выкуп, то берет в то же время с собой невесту, в противном случае невеста остается у отца до тех пор, пока жених всего не выплатит выкупа по частям. Между тем жених имеет право тайно от времени до времени посещать свою невесту, что у них *за пазуху ходить* называется, ибо только до пазухи невестиной, а не далее женихова вольность простирается должна. Когда же весь выплатит калым, то собираются паки к невестину отцу на пиршество, и, упившись, гости разъезжаются по домам, а жених с невестой и другими сродниками, также и с приданым уезжает в свой дом, где, призвав муллу, совершает брак.

<...>

Вотяки, последуя примеру своих предков, сватают девиц по договору, сколь много надобно за нее дать калыма, когда договор оплаты кончится, то жених берет невесту в свой дом и целую неделю пользуется ее приятностями, но по прошествии сего времени отец невестин, приехав к своему зятю, берет ее обратно и целый год держит в доме своем так крепко, что она не может иметь никакого свидания с назначенным ей женихом. В сей год жених печется, дабы заплатить потребное число калыма, а невеста со своей стороны оказывает последние услуги своим родителям, но как все уже будет готово, то сделав все нужное к свадебным обрядам, делают пир, и посреди собравшихся гостей отец же им вручает свою дочь.

Печатается по изданию:

*Абевега русских суеверий... / сочинения М. Ч. ;  
иждивением Ф. Гуппиуса. М., 1786*



**Потоцкий Ян** (8.03.1761, Пиков, Подолье, Речь Посполитая — 23.12.1815, с. Уладовка, под Бердичевом, Российская империя), граф, писатель-романтик, ученый и путешественник

А. Г. Варнек. Портрет Яна Потоцкого. 1810 г.  
Музей в Вилянуве. Польша

## ЯН ПОТОЦКИЙ

### ПУТЕШЕСТВИЕ ЯНА ПОТОЦКОГО В АСТРАХАНЬ И ОКРЕСТНЫЕ СТРАНЫ В 1797 ГОДУ

<...>

17 [мая 1797 г.] — В похвалу Коломны, последнего селения, через которое я сегодня проехал, надобно сказать, что против каждого дома стоят дровни и на них бочка воды для того, чтобы в случае пожара она всегда была под рукой.

В Коломне еще видны следы прежнего ее великолепия. За Окой въехал я в другую губернию: тут совсем иная природа. Сосны и березы исчезают и заменяются растениями стран более полуденных. Жители Рязанской губернии отличаются также от подмосковных и одеждой, и жилищами, и обычаями. На женщинах сверх платья камзол белый с красными закраинками, а на голове род митры, с которой висят бусы, они походят на жриц какого-нибудь древнего божества; между тем они забавляются игрой, похожей на итальянское бочетти, с той только разницей, что вместо шаров служат у них яйца. Страна плодоносна, и воды в ней довольно.

18 [мая]. За Рязанью подумаешь, что у женщин на голове бумажные змеи; я не умею лучше этого описать головной убор их. Я хотел срисовать свою хозяйку, но она, заметив это, спряталась на печь, а мне туда лезть нельзя было. В деревне я действовал не успешнее этого: женщины и девки тотчас от меня убежали, как скоро я хотел подойти к ним. <...>

29 [мая] ...прибыли мы к деревне, где весь берег покрыт был людьми, которых одежда была мне совершенно незнакома. Я узнал, что то была колония татар, чуваш[ей], мордвы, недавно туда переселившихся. Работники вышли на берег нанять лодку, чтобы съездить за той, которую они оставили на дороге. Я воспользовался этим случаем, чтобы посмотреть народы, которые знал только по имени. Большая часть жителей деревни были татары, весьма плохо одетые. Женщины, напротив того, были чрезвычайно разряжены, набелены и нарумянены. Холстинная одежда чуваш[ей] украшена богатыми цветными бордюрами, изображающими наиболее кресты всех видов. Мордовки, особенно девки, одеваются чрезвычайно странно и фантастически. В ушах носят они большие куски шерсти, в волосы вплетают колокольчики, на шею повязывают большие медные бубенчики.

*Печатается по изданию: Исторические путешествия : Извлеч. из мемуаров и зап. иностр. и рус. путешественников по Волге в XV — XVIII вв. / сост. В. Алексеев. Сталинград, 1936*

## КАПИТОН СЕРГЕЕВИЧ МИЛЬКОВИЧ

### ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИМБИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

#### О ЧУВАШАХ

<...>

Чуваши, как сами, так и от россиян сим именем называющиеся и прежде сего жилища свои имевшие вниз по реке Волге, суть древние болгары, они наполняли весь уезд Казанский и Симбирский, но при восприятии крещения некоторые из них не хотят вступить в христианскую веру, перешед на луговую сторону реки Волги в башкир и в другие места, там поселились. А иные, переселяясь в разные места по нагорной стороне Волги, смешались с мордвой, татарами и черемисами. Однако же и ныне еще оных в Симбирском наместничестве, в языческом суеверии оставшихся, живущих особыми деревнями и обще с восприявшими крещение, действительно платящих подать, считает ся: мужского [пола] крещеных — 31 373, женского — 31 521, некрещеных мужского [пола] — 1 552, женского — 1 771 душа, по четвертой ревизии 1782 года.

Они говорят от сарматского произошедшим и смешанным с татарским языком. Чуваши, прежде пребывая в идолопоклонстве, вели кочевую жизнь, но потом все возлюбили землепашество, и уже большая из них половина в нынешнем столетии крестились и исповедуют христианскую веру.

Сей народ, навывкнув из давних лет жительствовать не в городах, но в малых деревушках, весьма охотно свои жилища заводить старается в лесах при хороших источниках, на ровных и сухих местах; а дабы в течение всего лета не только во дворах, но и подле самых своих хоромин зеленеющиеся деревья и траву иметь. Они могли селиться очень редко. Окружающие их жительство источники и рощи никогда не рубят, а те, которые из них остались в идолопоклонстве, посвящают их своим богам.

<...>

Они, не зная ни грамоты, ни букв, письменного у себя закона не имеют. Но естественная любовь, владычествуя ими, обязывает их о несчастном сожалеть, просящему делать помощь и не делать того ближнему, чего себе не желают; а потому почитают они всякую обиду за грех.

Чуваши весьма добродушны, и, не навывкнув изъявлять свое усердие на словах, показывая оное на самом деле, ибо какой бы по нации заехавший к ним путешествующий ни был, когда оный представляет вид почтенного и обходительного человека, приемлется ими простодушно и угощается всем тем, что у них случится. Они всякого странствующего приветствуют простыми и усердными своими словами, говоря: *Перле бурнос*, то есть, что они навсегда жить и общество с ним иметь хотят.

Чуваши — народ отменно благодарный, и против оказанных им благодеяний [на]столько чувствительны, что не только против благодетелей своих изъявляют бесковарные знаки своего искреннего почитания и любви, но если б того их благодетеля и в живых более не было, а через долгое время после родственника его они увидят, то и ему все то, что чувствительность и нелицемерная благодарность требует, изъявляют.

<...>

#### О МОРДВЕ

Они [мордва] разделяются на два главных колена и называются из них одни: *мокша*, кои прежде жили на Мокше, сообщающей струи свои Оке, выше всех прочих рек, а другие — *эрдзя*. Сии оба рода мордвы ныне живут по разным местам Симбирского и других наместничеств. Каратаи составляют еще и треть, но весьма малое поколение. Они называются и сами теми поколениями

своими *мокшами* и *мокшанами*, *эрдзянами* и *эрдзацами*. Россияне же именуют их вообще *мордвой*, которое наименование и между самими ими употребляется.

Они грамоты и букв не имеют. Язык их, который, как и сами они, заимствуют начало свое от финнов, весьма с татарским перемешан. Эрдзянское и мокшанское наречия так между собой разнятся, что походят на два особливых языка. А хотя каждое колено и теперь еще употребляет свой язык, то они по близкому сообщению или по взаимному смешению свободно других разумеют. До распространения между ними христианской веры почиталось у них преступлением понимать жену из другого колена. Но ныне живут уже больше в смешении, однако всякий род держится своих старинных мнений в рассуждении одеяния и некоторых обыкновений.

Мордва по телесному расположению и по виду вообще более походит на россиян, нежели на чуваш[ей] и татар, да и в самом домашнем своем быту, как то: в употреблении пищи, в строении домов и скотоводстве соображаются наипаче российским сельским жителям. Волосы у них по большей части русые и прямые, бороды жидкие, лица худощавые, а женщины их редко бывают красивые. Трудолюбивы, склонны к хлебопашеству и крестьянским разным ремеслам и рукоделиям. Но в делах своих медлительны и нерешимы, и как они имеют привычку о самой малости прежде, нежели приступают к делу, толковать и советовать немалое время, то, роптав на свою худую привычку, употребляют свою обыкновенную пословицу: *Каля, каля да мезя*, то есть *Толкования много, да дела ничего*. Мордва много кое-чего от россиян переняли, так, как равномерно в разных делах последуют и татарам, но не в опрятности и в отвращении от свинины, которую держащиеся языческой веры едят без всякого зазрения, а напротив того, оставшиеся в языческом суеверии чуваша и другие народы почитают поганой пищей.

С того времени, как они стали Российской державе подвластны, упражняются в земледелии, но живут не в городах, а в деревушках и весьма охотно строят свои жилища близ лесов. Но к звериному промыслу не столько они прилепляются, как другие народы. Мордовки упражняются равномерно в таких же делах, как и чувашские женщины, и притом подобны им в прилежании в искусстве. Народ сей несет равную с соседями своими гражданскую тяжесть, да и в самом поведении им сообразен. Мокшане живут в привольных к лесному пчеловодству местах; да есть между ними действительно и такие пчеляки, кои имеют у себя по 200 и по 500 ульев.

Мордовское мужское одеяние во всем, кроме рубашек, украшенных шитьем воротника в ворота, походит на русский мужской наряд. Женская же одежда в обоих поколениях несколько отменима; девки ходят и у них не так нарядно, как бабы, а впрочем различаются от сих одним только головным убором. Они носят короткое исподнее на ногах платье — *понкс* и столько на них наверх вытаскивают онуч, что походят на колоды. Обувь их составляют востроносые лапти — *карь*; рубахи носят подобные чувашским, узоры вышивают на них такие же и подпоясывают их, не забирая в исподнее платье. От пояса висит назади небольшой, красиво вышитый и притом бахромкой и кисточками распещренный коротенький запон, который и не излишен, потому что рубахи их как будто облипли около тела. Когда мордовка является в самом лучшем наряде, то она бывает обвешана множеством гремушек, и два или три к ее шее прикреплены нарочитых колокольчика. Около пояса висят кругом к вышитой широкой перевязи бахромки и кисточки; шею и плечи покрывает решетчато сделанный из корольков, подделанных червонцев и пронизок щит, который как будто косынка наматывается на грудь; на всех пальцах носят они перстни и кольца, а к большим серьгам привешивают маленькие, из корольков сделанные пронизки. На руки надевают у самых кистей по два и по три обода. Волосы заплетают в несколько малых кос, кои прячут пожилые женщины под сшитую по голове шапочку, а молодые — под высокую, крепко набитую, вышитую и как корольками, так и фарфоровыми раковинками испещренную шапочку, у которой пришита на затылке лопасть шириной в ладонь, а длиной с лишком в четверть и украшена корольками, унизанными бисером. Девки заплетают волосы на несколько кос, а дабы сделать длинными и крепкими, то кладут в добавку овечью черную шерсть.

Мокшанки разнятся от эрдзянок только следующим нарядом: бабы шапки делаются у них не столько высокие и вышиваются просто; многие носят на голове одни только фаты; от шапки висят по груди выклад[ен]ные серебряными копейками ремешки, к которым прикрепляют колокольчи-



ки, грецкие орехи, медвежьи когти и другие разные мелочи; от составленного же из корольков щита простираются до самого пояса пронизки, покрытые сплошь корольками и гремушками, а от пояса висит впереди долгий либо короткий, вышитый и как корольками, так и змеиными головками усыпанный запон. Вместо эрдзянского заднего запона носят мокшанки немало рядом висящих кисточек, кои делают до самых подколен; кроме серег, болтаются около ушей много маленьких, из лебяжьего пуха сделанных кисточек. Волосы покрывают также прикрепленным к шапке и до самых пят достающим ремнем. Пожилые же бабы и девки вместо шапок носят на голове в завязку платки, а волосы, растрепанные или заплетенные, висят просто на спине. Наряд молодых мокшанок и девок от пожилых женщин столько разнится, что по одному только звону колокольчиков и гремушек можно мимо идущую молодую бабу или девку, не выдав, различить от старухи.

<...>

Большая половина мордвы исповедует теперь христианскую веру, и хотя они от языческого закона удалились более, нежели чуваша, однако ж все еще великое имеют к оному пристрастие. Идолопоклонство их язычников подобно чувашскому и некоторых других народов.

<...>

## О ТАТАРАХ

Народ сей, живущий в наместничестве Симбирском, не что иное, как остатки поселившихся около 1230 или 1222 года и болгарам овладевших татар ([«История» Российской...» сочинителя [В. Н.] Татищева. Ч. 2. С. 403]), и с того времени, как царство Казанское российской силой побеждено, остались на сих местах. Но княжеские фамилии их давно перевелись, удержав только одно имя, по которым число живущих в тех местах жителей по простонародству сотнями именуется еще и поныне, как то: князя Ишеева, князя Аклычева и прочих. Почему и земли, принадлежащие некоторым деревням, по имени их называются.

Вид и нрав симбирских татар не только с другими сходен, но и изо всех их редко, кто бывает ростом очень велик, они худощавы лицом и продолговаты, и кажутся здоровы. Нос у них сухощавый, рот и глаза малые, но острые и по большей части черные, волос русый и начинает уже в средних летах седеть; сложение их вообще недурное, походка добрая, а прямое и худощавое тело в соединении с кротким и как будто несколько робким взглядом придают им милый вид.

Они до бесконечности любопытны, хитры, льстивы, святостью обрядов и закона надменны, горды, пронырливы. Склонны более к великолепию, роскошам и любовным прохладам; ибо не только в жизни, но и в вечности за добродетели блаженство они быть себе воображают не иное какое, как только то, что они и по смерти утопать будут в превосходной степени любовных сладострастий. И тот из них почитается весьма богатым и за свои набожные дела от Магомета отменно почтенным, который в глубокой старости своих лет имеет у себя жен до 4, до 5 и до 7. Весьма часто случается, что из татар вступают в брак с молодыми девицами, коим не более бывает от роду лет 13 и 14, старики лет по 70 и старше, имея у себя довольно жен, детей и женатых внучат, они изменяют свою старость обыкновенной пословицей: *Хотя сам он и стар, но душа его молода*, приводя в доказательство, что сам бог создал Адама из земли, а Еву из адамовой плоти и что часть земли, поверженная на свободный воздух, никогда положения своего не переменяет, но часть мяса, на том же воздухе лежащая, от дождей и теплоты солнечной вскорости портится, следовательно, де и женщина от беременностей и прочих болезней скорее в слабость прийти может, нежели престарелый мужчина.

Татары за великое бесчестие и обиду себе поставляют, если кто из них кого назовет черемисянином, ибо они себя почитают не только лучше оных, но и превосходнее других народов. Они столь любопытны, что не только не пропустят ни единого проезжающего, дабы о нем не выведать, кто он таков и для какого дела едет, но и в самое рабочее время, собравшись к своей мизгити (мечети. — *Сост.*) или на улицу, целую часть дня уделяют на разговоры и слушание один от другого разных неважных и никакого любопытства не стоящих новостей, что самое наибо-

лее — неумеренный платеж за взятие жен денег, и содержание их, кои по большей части также к покойной жизни и нежности более склонны, нежели к обрабатыванию полей и прочим трудам, как и их мужья, делают многих должными.

<...>

Богатая татарка носит нижнее платье с [о]борами, и вышивают оное на груди, где оно и застегивается, верхнее одеяние шьется из простых шелковых, иногда и из дорогих материй или из тонких сукон с бахромками, шнурками и золотыми петлицами просто и с оторочкой, пояс же носят шелковый или серебряным набором украшенный, грудь покрывают косынкой, снизанной из корольков или усланной чешуйчато монетами, по большей части носят они насквозь плеча пущенную перевязь, усыпанную корольками или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами, шею украшают бисерные нитки, а уши и пальцы распещрены кольцами. Простые женщины носят одеяние китайчатое и из сукна собственного своего рукоделия. Голову покрывают шапками, унизанными корольками или фатами, которые висят по спине распостерты[е] и употребляются богатыми женщинами, а повседневно в летнюю пору ходят они, как черемисы и прочие, в белых и крашенных, по большей части узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах.

Алкоран запрещает им употреблять крепкие напитки, как то: виноградное и хлебное вино и пиво, но так же, как и все почти народы, любят в употребление свое подпивать, то некоторые преступают и самый сей закон, прочие же все пьют, мед разводят они на опаре, составляемой из крупы, муки и меда-сырца, которую кладут они в теплую сыту, прибавя против опары в восемь раз больше воды, когда мед таким образом устоится, то они, сседа оный, наливают вновь на гущу простую только сыту, и так он никогда у них не переводится.

<...>

Татары имеют веру магометанскую, которую составляет известная книга, называемая *Алкоран*, но и сверх оной, довольно в них находится суеверия, как то: гонение в первых числах апреля из жительств своих нечистых духов и отпущение на волю изловленных диких птиц, очищение лесных дорог [от] упавших от ветра на землю сучьев и мазание имеющих под кровлей их домов гнезд птиц маслом, у престарелых людей, ослабевших или совсем пришедших в бессилие 360 членов для приведения их в действие воробьиным мозгом, и прочие не стоящие внимания мелкости почитаются у них особо богоугодным делом.

Печатается по:  
РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026

*Популярное издание*

# **ПОВОЛЖЬЕ. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ**

(По материалам путешественников XVIII в.)

Альбом-каталог

Составитель

**Шкердина** Надежда Олеговна

Редактор *О. Ю. Цыплякова*

Компьютерная верстка *Е. Г. Скворцовой*

На обложке: А. И. Коровин. Экспедиция Российской  
академии наук в мордовском крае. 1996 г.

Подписано в печать 19.10.2023. Формат 60 × 84 <sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Усл. печ. л. 5,58. Тираж 300 экз. Заказ № 125.

Отпечатано в ООО «Типография „Рузаевский печатник“».  
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.  
e-mail: ruztipograf@ya.ru

